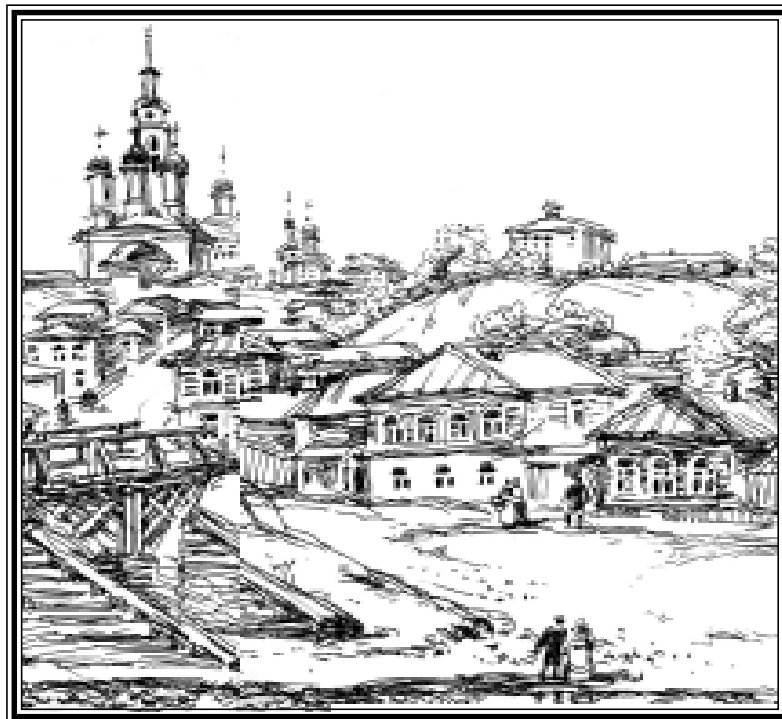

БОРОВСКИЙ ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ
РУССКОЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО

ЗЕМЛЯ БОРОВСКАЯ

ВЫПУСК ВТОРОЙ

Боровск 2006

Боровск. Старообрядческий храм Всех Святых.

Фото 1910-х годов

БОРОВСК

ЗЕМЛЯ БОРОВСКАЯ

СОДЕРЖАНИЕ

Аверьянов К.А.
*Загадка первого
упоминания Боровска*
-4-

Осипов В.И.
*Гибель
боровской крепости*
-18-

Королёв Г.И.
*Жители Боровска на
рубеже XVI–XVII в.*
-28-

Нежданов И.А.
*Развитие кустарных
промыслов в Боровском
уезде в конце XIX – начале
XX вв.*
-33-

Кожевникова Н.И.
Боровские огородники в Калуге
-39-

Васильева З.В.
*Обнинские – общественные и полити-
ческие деятели калужского края*
-46-

Ефимова И.Л.
*К вопросу о становлении педагогичес-
кой системы С.Т. Шацкого
(1898–1917)*
-54-

Ефимова И.Л.
*История сёл и деревень в окрест-
ностях г. Обнинска. 1920–1930-е годы*
-59-

Зиновкина Н.В.
*Ещё раз о Государственном архиве
Калужской области и небросовест-
ных исследователях*
-70-

*Указатель материалов,
помещённых в сборнике «Боровский
краевед» Вып.1–7*
-78-

ЗАГАДКА ПЕРВОГО УПОМИНАНИЯ БОРОВСКА

В имеющихся в нашем распоряжении источниках Боровск впервые упоминается около 1358 г. в духовной грамоте великого князя Ивана Красного. Однако из этого известия неясна владельческая принадлежность Боровска, поскольку речь в нём идёт об отдельно взятом «селе на Репне в Боровьске», которое московский князь завещал одному из сыновей (1). Следующий раз Боровск упоминается в московско-рязанском договоре 1382 г., установившем границу между московскими и рязанскими владениями по рекам Оке и Цне: «А межи нас роздель земли по реку по Оку, от Коломны вверхъ по Оце: на московской стороне почен Новыи городок, Лужа, Верея, Боровескъ, и иная места рязанская, которая ни будутъ на той стороне, то к Москве, а на низ по Оце, по реку по Тцну, от устья Тцны вверхъ по Тцсне, что на московской стороне Тцсны, то к Москве, а что на рязанской стороне, а то к Рязани» (2). На основании этого свидетельства исследователи полагали, что в середине XIV в. Боровск принадлежал Рязани.

В 1370-е годы Боровск переходит во владение двоюродного брата Дмитрия Донского князя Владимира Андреевича Серпуховского. Об этом становится известным из московско-серпуховского договора, составленного 25 марта 1389 г. В нём относительно Боровска говорится: «и ты мне потомъ челомъ добилъ отцомъ моимъ Алексеемъ, митрополитомъ всея Руси, и язъ тебе пожаловалъ, далъ ти есми Лужу и Боровескъ, и что ти ся достало удела княгинина Ульянина, того всего мне, князю великому, и моему сыну, князю Василью, и моимъ детемъ под тобою блюсти и подъ твоими детми» (3). Поскольку в предыдущем московско-серпуховском договоре, состав-

ленном около 1374–1375 гг., о Боровске ничего не говорится (4), а упомянутый в договоре 1389 г. митрополит Алексей скончался в феврале 1378 г., становится ясным, что названный обмен состоялся в середине 1370-х годов. Следует отметить, что и после этого в ближайших окрестностях Боровска продолжали сохраняться московские владения. Так, в завещании 1389 г. Дмитрия Донского среди владений, отдаваемых его сыну Андрею, по-прежнему упоминается с. Репиньское (5) (то самое, что фигурирует в известии 1358 г.). Более того, из-за чересполосицы владений здесь вскоре возникают земельные конфликты. Так, в договоре 1390 г. между Василием I и князем Владимиром Андреевичем Серпуховским содержатся сведения об одном из них: «А что слобода противъ Боровска, та ны (Василию I. – К.А.) слобода свести, туто намъ слободы не держати. А луга ны не велети ни косити, ни орати по гору, а земля наша. А животине ходите опче» (6).

Приведённый обзор известий княжеских духовных и договорных грамот о Боровске XIV в. показывает, что вопрос о его владельческой принадлежности в это время является не таким простым, как это представлялось предшествующим историкам.

Определённую разгадку этой проблемы даёт житие Пафнутия Боровского, сообщающее, что преподобный «родом бе от колена агарянска», а его дед, живший в XIV в., первоначально являлся баскаком в Боровске и лишь потом крестился с именем Мартина в православную веру (7). Это любопытное свидетельство источника заставляет задать вопрос: какие функции входили в обязанности баскака?

Обратившись к соответствующей статье в энциклопедии, можно прочитать утверждение, что баскаком назывался монгольский военачальник в покорённой стране, производивший сбор дани и учёт населения (8). Вме-

сте с тем возникает другой вопрос: что мог делать баскак в Боровске, который в XIV в. не являлся даже центром удела?

Данное обстоятельство заставляет внимательнее посмотреть на те доводы, которыми оперируют исследователи, говоря о функциях баскаков.

В современной историографии со времён А.Н. Насонова общепризнанным считается, что вскоре после монголо-татарского нашествия завоеватели для организации правильного и регулярного сбора дани разделили Северо-Восточную Русь на полтора десятка областей, называвшихся тьмами, границы которых, возможно, совпадали с территориями отдельных княжеств, во главе которых находились специальные агенты Орды – баскаки, ответственные за сбор и поступление дани в ханскую казну. Основой для подобного утверждения послужило свидетельство Рогожского летописца, согласно которому в 1360 г. князь Дмитрий Константинович Суздальский получил «княжение великое, 15 темь» (9). Встречающееся здесь выражение темь, или тьма, в тогдашнем языке обозначало число 10000. В одном из источников читаем: «дать на нем 10000 рублевъ серебра, еже есть тма» (10). Но это слово имело и другое значение: в областях Ирана, Самарканда, Бухары термином туман, тюмень обозначали мелкие территориальные единицы. Очевидно, именно в значении область, округ этот термин использован в ярлыке крымского хана Менгли-Гирея 1506–1507 гг. великому князю литовскому Сигизмунду, который хотя и относится лишь к началу XVI в., в своём основном ядре восходит к более ранней эпохе. Среди прочих в нём упоминаются Киевская тьма, Владимирская (Владимира-Волынского) тьма, Подольская тьма и т.д. (11). Свидетельство этого источника привело А.Н. Насонова к выводу, что термин тьма мог употребляться и в значении податного округа (12).

Но что следует понимать под фразой «княжение великое, 15 темь»?

В поисках ответа на этот вопрос А.Н. Насонов обратил внимание на одно известие из «Хронографа редакции 1512 г.», который под 1399 г. сообщает о просьбе литовского князя Витовта, обращённой к хану Тохтамышу: «ты мене посади на Московскомъ великомъ княжении и на всей семенатьцати темъ» (13). Употреблённое здесь выражение «17 темъ» очень близко к цифре «15 темь» Рогожского летописца и также связано географически с территорией Великого княжения Владимирского, которое, как считается, после 1389 г. слилось с территорией Московского княжества. Отсюда А.Н. Насонов сделал вывод, что данная фраза свидетельствует о 150 тысячах плательщиках ордынской дани на территории Великого княжения Владимирского, которые были поделены на 15 туманов, или небольших областей, размеры которых определялись в соответствии с величиной взимаемой дани. Правда, автор этого утверждения всё же испытывал определённые сомнения по его правильности, главным из которых было то, что «в источниках мы не нашли пока никаких следов существования „тем“ как мелких территориальных единиц на русском Северо-востоке» (14). Эти сомнения усиливаются, если вспомнить упоминание в «Любецком синодике» жившего на рубеже XIII–XIV вв. князя Олега Романовича Брянского, «оставившего дванадцать темь людей» (15). Если можно ещё согласиться, что во всём Великом княжении Владимирском в XIV в. было 150 тысяч плательщиков дани (предположив, что татарские переписи охватывали именно семьи, а не отдельных лиц), то вряд ли в далеко не самом крупном Брянском княжестве, к тому же сильно страдавшем от постоянных татарских набегов, их насчитывалось 120 тысяч.

Всё-таки один раз, но термин тьма встречается в духовных и договорных грамотах XIV–XV вв. – в докончании 1445 г. князя Дмитрия Шемяки с суздальскими князьями: «А въ прадедину нашу, и в дедину, и въ отчину, в Суздаль, в Новгород (имеется в виду Нижний Новгород. – К.А.), в Городец, и въ Вятку, и во всю пятетем Новъгородскую, тебе, господину нашему, князю Дмитрию Юриевичю, и твоему сыну, князю Ивану, не въступатися ничим» (16). Что следует подразумевать под выражением «всю пятетем Новъгородскую»? В переводе на современный язык его нужно читать как «все пять тем новгородских». Поскольку в грамоте выражение стоит в одном ряду с Суздалем, Нижним Новгородом, Городцом и Вяткой, можно предположить, что оно обозначало определённую географическую область, такую же, как вышеперечисленные, и сравнимую с ними по своим размерам. Указание же грамоты, что эта область являлась новгородской (в данном случае речь идёт, конечно же, не о Великом Новгороде, а о Нижнем) заставляет искать её в пределах Нижегородского княжества.

Определённые указания на это даёт известие Рогожского летописца под 1364 г.: «бысть моръ силен велик на люди в Новегороде въ Нижнем и на уезде, и на Сару, и на Киши, и по странамъ, и по волостемъ» (17). Некоторое недоумение в этом сообщении вызывают слова «и по странамъ, и по волостемъ». Летописи, полные сообщений о различных эпидемиях, при характеристике их размеров и произведённых опустошениях иногда используют выражение страны, но употребляют его исключительно в значениях государство, княжество. В приведённом же отрывке речь идёт исключительно о территории Нижегородского княжества, где не могло быть других «государств». Притом эти «государства» должны были быть совершенно крошечными, поскольку

ку, судя по контексту, понятия страны и волости однопорядковые, означающие мелкую территориальную единицу. Тем не менее, летописец сознательно употребляет в сообщении не одно из этих слов, а одновременно оба. Можно предположить, что в Нижегородском княжестве наряду с волостями существовали и иные мелкие административные единицы, отличные от волостей.

Ясность в этом вопросе наступает, когда вспомним, что именно термином *темь*, или *тьма*, можно было обозначить небольшую территориальную округу. Очевидно, упоминаемые в этом известии *Сара* и *Кишь* являлись ничем иным, как *тьмами*. Однако слово *тьма* в тогдашнем языке имело и другое, числовое значение (10 тысяч) и поэтому летописец в своём известии предпочёл дать не сам термин, а его русский перевод.

Итак, в пределах Нижегородского княжества находились две мелкие административные единицы – *Сара* и *Кишь*, – возможно, носившие название *тьма*. Окончательно в этом можно убедиться лишь тогда, когда найдём остальные три. Они, вероятно, лежали поблизости от первых двух, и поэтому необходимо обратиться к известиям летописца, где упоминаются и другие административные единицы этого района. Под 1375 и 1408 гг. здесь упоминаются *Запьяние*, *Уяды* и *Курмыш* (18).

Названные в этих сообщениях пять пунктов: *Сара*, *Кишь*, *Запьяние*, *Уяды* и *Курмыш* – компактно располагались вдоль нижнего течения р. *Суры*, её притоков *Пьяны* и *Кишь*. Во второй половине XIV–первой половине XV вв. они входили в Нижегородское княжество и образовывали на его восточной окраине единую область с центром в *Курмыше* (19). Судя по грамоте 1445 г., область эта именовалась «*пять тем нижегородских*» и, хотя входила в состав Нижегородского княжества, делилась не на волости, а на *тьмы*, так как преобладаю-

щим элементом здешнего населения были не русские, а мордва и татары.

В литературе приобретение этих земель суздальско-нижегородскими князьями обычно относят к 60–70-м годам XIV в. (20). Суздальско-нижегородские князья, присоединив эту территорию, не спешили вводить здесь прямое русское управление с привычным делением на волости, а оставили для местного мордовского и татарского населения известную автономию и прежнюю систему управления, состоящую из тем. Таким образом, под термином тьма следует понимать мелкую административную единицу, аналогичную волости, на землях, населённых по преимуществу нерусским населением, и сохранявшую определённую самостоятельность во внутреннем управлении.

Появление этих новых административных единиц на границах Русской земли объяснялось начинавшимися уже с раннего времени в Орде смутами. Ожесточённая грызня за ханский престол выбрасывала за её пределы царевичей и вельмож, потерпевших поражение в этой борьбе. Вместе с ними, спасаясь от мести победителей, бежали их сторонники. Вся эта масса оседала на малозаселённых местах между русскими княжествами, Литвой и Великой степью, создавая ту широкую буферную зону между Русью и Ордой, которую уже в XV в. назовут Украиной. Русские и литовские князья охотно принимали выходцев из Орды, предоставляли им свободные земли, справедливо полагая, что могут использовать их в качестве заслона против татарских набегов.

Итак, видим, что в распоряжении суздальских князей имелось пять тем. Однако известие Рогожского летописца говорит о 15 тьмах, полученных суздальским князем вместе с великим княжением. Очевидно, они располагались по соседству на границе Великого княжества Владимирского, в широкой полосе пограничья русских земель с Ордой.

Кто же возглавлял тьмы? А.Н. Насонов, рисуя картину ордынской власти на Руси, создал стройную схему её организации из баскаческих отрядов во главе с владимирским баскаком, называвшимся великим, которому были подчинены другие баскаки, державшие баскачества разных княжений. Всё это, по мнению учёного, было направлено для решения лишь одной задачи – держать в повиновении покорённое население (21). Однако, просматривая немногочисленные упоминания источников о баскаках, следует обратить внимание на то, в каких географических регионах они действуют. Выясняется неожиданное обстоятельство: ареал деятельности баскаков оказывается связанным с той же самой широкой буферной полосой русско-ордынского пограничья, где источниками фиксируются мелкие административные единицы тьмы.

Под 1331 г. летописи сообщают, что Новгородский владыка Василий отправился для своего посвящения на Волынь, где находился тогда митрополит Феогност. На обратном пути, уже под Черниговом, его настиг «князь Федоръ Киевский со баскакомъ въ пятидесят человекъ розбоемъ» (22). Широко известен рассказ о баскаке Ахмате, активно действовавшем в 1280-х годах в районе Курска и создавшем там свои слободы (23). Упоминаются баскаки в грамотах русских митрополитов, адресованных населению территории, примыкавшей к Червлёному Яру (возле Хопра и Дона), чья принадлежность была спорной между Рязанской и Сарайской епископиями (24), а также, судя по московско-рязанскому докончанию 1382 г., в Туле (25). В этом же контексте следует рассматривать свидетельство жития Пафнутия Боровского о том, что дед святителя был баскаком в Боровске.

Некоторым диссонансом в этом смысле может показаться известие 1269 г., когда князь Святослав Ярославич

лавич «прииде... в Новъгород, бяше же с ними баскакъ великии Володимерьскийи именовем Армаганъ, и хоте ити на город на неметцкии Колыванъ, и уведаша немци, прислаша послы своя с челобитьемъ, глаголюще: „челом бьем, господине, на всеи твоеи воли, а Неровы все отступаемся“. И тако взя миръ с немци» (26). Но это противоречие снимается, когда выясняется, что свои войска князь Святослав собирал по приказу своего отца великого князя владимирского Ярослава Ярославича в «Низовской земле». Судя по всему, центром владений «баскака великого владимирского» мог быть лежавший на границе русских владений Муром. Во всяком случае, летописи не фиксируют с середины XIII в. на протяжении почти столетия ни одного из муромских князей (27). Поскольку он зависел от великого князя владимирского, вполне объяснимо его упоминание летописцем как «баскака великого владимирского».

Наконец, под 1305 г. Лаврентьевская летопись сообщает о смерти баскака Кутлублиги, который был связан с ростовской землей (28). На первый взгляд, его деятельность не связана с буферной зоной русско-ордынского пограничья, но историко-географический анализ показывает, что на рубеже XIII–XIV вв. ростовским князьям принадлежали огромные лесные пространства по р. Ветлуге, лежавшие на границе русских земель, где компактно проживало нерусское население. Именно эти территории и следует связать с деятельностью Кутлублиги. Правда, следует отметить, что здешние мелкие территориально-административные единицы не носили названия тьма, а именовались дорога. По документам XVII в. на р. Ветлуге, наряду с чисто русскими волостями, известны Лапшангская и Вятская дороги (29). Это обстоятельство заставляет вспомнить, что в XIV в. термин баскак заменяется в русских источниках словом даруга (или дорога в русифицированной форме). Не останавливаясь

на выяснении причин этого, отметим высказанное в литературе мнение, что тюркский термин баскак однозначно соответствует монгольскому даруга (30). Каковы были функции даруги? А.Н. Насонов, продолжая строить свою схему ордынского владычества на Руси, утверждал, что они занимались тем же, что и баскаки – сбором дани, только с той разницей, что «теперь князья отдельных княжеств имели дело каждый со своим „дорогой“, т.е. московский князь с „дорогой московским“, тверской с „дорогой тверским“ и т.п. Так, под 1432 г. в Симеоновской летописи упомянут „московский дорога“ Минь-Булат, а под 1471 г. – „князь Темир, дорога рязанской“. Отсюда следует предположить, что существовали „дорога тверской“ и „нижегородско-суздальский“ и, может быть, другие» (31). Но при ближайшем знакомстве – с какими географическими регионами была связана деятельность даруг – становится ясным, что эти предположения остаются не более чем игрой ума.

Под 1376 г. летописец сообщает о походе воевод Дмитрия Донского и его тестя князя Дмитрия Константиновича суздальского «ратью на безбожныя Болгары»: «Князи же болгарьскийи Осанъ и Махматъ салтанъ и добиста челомъ князю великому и тьстю его князю Дмитрею Костянтиновичю ... а дарагу и таможника посадиша князя великого в Болгарех и отъидоша прочь» (32). Ещё раз термин даруга встречается в летописи под 1438 г. при описании переговоров перед Белёвским боем, когда татарский царь Махмут послал к русским воеводам «зятя своего Ельбердеа да дараг, князеи Усеина Сараева да Усень Хозю». Как видим, речь снова идёт о территориях русско-ордынского порубежья (33).

К этой же территории относится и упоминание Симеоновской летописью «рязанского дороги» Темира под 1471 г. (34). Он, очевидно, управлял тьмами в рязанской земле, свидетельство о существовании кото-

рых находим в ярлыке крымского хана Менгли-Гирея литовскому великому князю Сигизмунду (35). Что же касается «московского дороги» Минь-Булата, у которого в 1432 г. находились великий князь Василий Тёмный и его дядя князь Юрий Галицкий (36), то вспомнив об известии «Хронографа редакции 1512 г.», который под 1399 г. сообщает о Московском великом княжении и 17 тьмах, выясним, что его владения вероятнее всего лежали в районе Тулы, которая московско-рязанским договором 1382 г. именуется как «место» московского князя. Наконец, московско-рязанское докончание 1483 г. упоминает даруг касимовского царевича (37). Таким образом, становится понятным, что речь идёт всё о тех же русско-ордынских пограничных землях.

Отсюда вытекает и наш основной вывод: эти земли русско-ордынского пограничья, широкой полосой протянувшиеся вдоль всей кромки русских княжеств, представляли собой территории с редким русско-татарским населением, преобладающим элементом которого были выходцы из Золотой Орды. Административно они состояли примерно из полутора десятков мелких образований, носивших названия тьмы. Чуть меньшее количество тем приходилось на литовско-татарское пограничье. Главы этих образований приблизительно до середины XIV в. носили название баскаков, а позднее — даруг.

В своём внутреннем управлении эти образования пользовались достаточно широкой автономией, объяснявшейся тем, что в зависимости от политической ситуации они могли то признавать верховенство русских князей, то склоняться на сторону Орды. В этом плане довольно показательна статья всё того же московско-рязанского договора 1382 г. о Туле: «А что место князя великого Дмитрия Ивановича на рязанской стороне, Тула, как было при царице при Таидуле, и коли ее баскаки ведали, в то ся князю великому Олгу не вступати,

и князю великому Дмитрию». На первый взгляд, возникает совершенно парадоксальная ситуация: Тула принадлежит Дмитрию Донскому, но последний не имеет права сюда «вступить». Её можно объяснить только автономностью этой территории на начало 80-х годов XIV в.

Таким образом, выясняется, что в XIV в. Боровск представлял собой одно из подобных территориально-административных образований с этнически смешанным населением. Позднее, с ростом могущества московских князей, здесь начинается постепенная христианизация местного нерусского населения, подтверждением чему служит отмеченный житием Пафнутия Боровского факт крещения его деда. При этом данный процесс растянулся на несколько десятилетий и не был завершён даже к середине XV в. Свидетельство этому находим всё в том же житии, согласно которому боровский князь Василий Ярославич, прогневавшийся на преподобного, попытался подослать к нему «новокрещенного агарянина, именем Ермолая, не отложившего еще злонравия варварского» (38).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950. №4. С.15, 18. (Далее – ДДГ).
2. Там же. №10. С.29.
3. Там же. №11. С.31.
4. Там же. №7. С.23–24.
5. Там же. №12. С.34.
6. Там же. №13. С.38.
7. Житие преподобного отца нашего Пафнутия, игумена монастыря пречистые Богородицы, иже в Боровске. М., 1861. С.1–2; Житие преподобного Пафнутия Боровского, писанное Вассианом Саниным. Нежин, 1898. С.20–21.
8. Большая советская энциклопедия. 2-е изд. Т.4. М., 1950. С.282.
9. Полное собрание русских летописей. Т.XV. Вып.1. Пг., 1922. Стб.68. (Далее – ПСРЛ).

ЗЕМЛЯ БОРОВСКАЯ. ВЫП.2

---

10. Там же. Т. XXV. М.; Л., 1949. С. 187.
11. Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 2 (1506–1544). СПб., 1848. № 6; Ср.: Там же. № 200.
12. Насонов А. Н. Монголы и Русь (История татарской политики на Руси). М.; Л., 1940. С. 98–99.
13. ПСРЛ. Т. XXII. Ч. 1. СПб., 1911. С. 423.
14. Насонов А. Н. Указ. соч. С. 99.
15. Зотов Р. В. О черниговских князьях по Любецкому синодику и о Черниговском княжестве в татарское время. СПб., 1892. С. 26, 82–86.
16. ДДГ. № 40. С. 119.
17. ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1. Стб. 76.
18. Там же. Стб. 109, 484.
19. Курмыш стал центром этой области с 1372 г.: «Того же лета князь Борисъ Костянтинович постави себе город на реце на Суре и нарече его именем Курмышъ» (ПСРЛ. Т. XXV. С. 187).
20. Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984. С. 217.
21. Насонов А. Н. Указ. соч. С. 145–146. См. также: Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Золотая Орда и её падение. М.; Л., 1950. С. 220–221; Фёдоров-Давыдов Г. А. Общественный строй Золотой Орды. М., 1973. С. 26.
22. ПСРЛ. Т. III. М., 2000. С. 344.
23. Там же. Т. X. М., 1965. С. 162; Т. VII. СПб., 1856. С. 176–178.
24. Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV–начала XVI в. Т. III. М., 1964. № 312. С. 341–343; № 313. С. 343–345.
25. ДДГ. № 10. С. 29.
26. ПСРЛ. Т. XXV. С. 148.
27. См.: Экземплярский А. В. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период с 1238 по 1505 г. Т. II. СПб., 1891. С. 616–618.
28. ПСРЛ. Т. I. М., 1997. Стб. 528.
29. Холмогоров В. И., Холмогоров Г. И. Материалы для истории Костромской епархии. Вып. 1: Галичская десятина с пригороды Солигаличем, Судаем, Унжею, Кологривом, Парфеньевым и Чухломою жилых данных церквей. 1628–1710 и 1722–1746 гг. Кострома, 1895. С. 219, 221, 225, 257, 265, 271; Вып. 2: Солигаличская и Унженская десятины жилых данных церквей. 1680–1710 и 1722–1746 гг. Кострома, 1900. С. 71, 72, 81, 103, 104, 112.
30. См.: Кривошеев Ю. В. Русь и монголы: Исследование по исто-

Аверьянов К.А. Загадка первого упоминания Боровска

- рии Северо-Восточной Руси XII–XIV вв. СПб., 1999. С.216. Прим. 225; Фёдоров-Давыдов Г.А. Указ. соч. С.30–31.
31. Насонов А.Н. Указ. соч. С.104–105.
  32. ПСРЛ. Т. XXV. С.192.
  33. Там же. С.260.
  34. Там же. Т. XVIII. СПб., 1913. С.224.
  35. Акты, относящиеся к истории Западной России. Т. II. №6. С.5.
  36. ПСРЛ. Т. XXII. Ч.1. С.423.
  37. ДДГ. №76. С.284, 288.
  38. Житие преподобного отца нашего Пафнутия, игумена монастыря пречистые Богородицы, иже в Боровске. С.8–9.

В.И. ОСИПОВ

ГИБЕЛЬ БОРОВСКОЙ КРЕПОСТИ

Впервые упомянутый в письменных источниках в 1358 г., Боровск долго служил камнем преткновения и яблоком раздора между Москвой и Рязанью, некоторое время боровские земли составляли самостоятельное княжество, и только во второй половине XV в. они окончательно были закреплены за Московским княжеством. В XVI в. Боровск – боевой пост на юго-западных рубежах Московского государства, административно-территориальный центр прилегающей округи. Важная роль города предполагала обязательное наличие крепости. Можно утверждать, что уже в начале XVI в. на боровском городище была деревянная крепость, так как после разорения Боровска и Пафнютьева монастыря в 1610 г. в дозорной книге И.В. Чемесова и подьячего В. Прокофьева 1621 г. она записана не пострадавшей. До 1634 г. боровская крепость являлась основным укрепленным местом на территории уезда.

Крепость описана в дозорной книге 1621 г., правда, не приведены её размеры. Располагалась она на высоком месте; высота городища достигала 15–20 м. С северной и восточной сторон под городищем, как и сейчас, протекала Протва, к которой вели ворота с одним затвором. С запада и юга городища шли резкие спуски. Здесь, на стыке спусков, стояла вторая проходная башня с одними воротами и двумя затворами. Башня выходила к торгу, перед воротами были зарублены тарасы, а около стен опускной щит. Вдоль стен, от одного спуска к другому был прорыт ров. Имелись и насыпные валы, на которых стояли деревянные башни и стены. Крепость была рублена городнями. Кроме двух башен с воротами, крепость имела ещё четыре глухих (1).

Размеры крепости уточняет писцовая книга 1685 г., составленная со слов боровчан. По окружности крепость имела 260 саженей (556 м). По часовой стрелке от проезжей башни через тайник до угловой башни 114 саженей (244 м). Далее до другой угловой башни 81 сажень (173 м) и до второй проезжей башни 65 саженей (139 м). В 1685 г. на территории крепости находился воеводский двор (15x13 саж.). Между тайником и тюрьмой располагался осадный двор Матвея Синявина (11x8 саж.), житницы царя Михаила Фёдоровича и Фёдора Игнатьева. На территории крепости стояли две церкви: Благовещенская и Никольская. Кроме этого, здесь находились приказная изба и тюремный острог, внутри которого размещались две тюремные земляные избы и караульная изба, которые за давностью лет пришли в негодность.

В Смутное время боровская крепость уцелела, но окончание Смуты не принесло спокойствия городам на западе и юго-западе от Москвы. На калужской земле во время русско-польской войны за Смоленск 1632–1634 гг. активно действовали польские отряды, разорявшие и уничтожавшие населённые пункты. В этих условиях городские укрепления продолжали играть важную роль.

4 января 1634 г. бояре и воеводы Д.М. Черкасский и Д.М. Пожарский направили в Разряд отписку о том, что «литовские» люди появились под Можайском и разоряют русские селения. На отписке была сделана помета: «бояре приговорили: отписать те вести послать во Ржеву, в Калугу и иные города, и на Волуйку, и в Боровеск, и во Тверь тотчас» (2).

Для укрепления гарнизона Боровска 11 февраля 1634 г. калужским воеводам Ф.Ф. Волконскому и Ф.С. Куракину была дана грамота, в соответствии с которой Ф.С. Куракин обязан был идти «с дворяны и с детьми боярскими и со всеми нашими ратными людьми, с конными и пеши-

ми ... в Боровек, про литовских людей и про черкас велел проведывати всякими обычая, чтоб на вас на походе и на станех польские и литовские люди безвестно пришли и дурна какого не учинили» (3). Прибыв в Боровск, воевода Фёдор Семёнович Куракин должен был доложить в Разряд не только о прибытии, но и о готовности отражать неприятеля (4). Но боровская деревянная крепость погибла без боя и штурма: она сгорела 20 марта 1634 г. Город остался беззащитным. Неизвестно, была ли крепость подновлена с 1621 г., но даже если не была, она оставалась оборонительным сооружением для боровского гарнизона и тех отрядов, которые могли укрыться за ней при передислокации.

22 марта 1634 г. прибывший воевода стольник князь Ф.С. Куракин и воевода Роман Шушерин подали в Разряд отписки о происшедшем. Из Москвы был дан строгий наказ Фоме Ивановичу Квашнину и подьячему Ивану Протасову осмотреть сгоревший Боровск и принять меры к его укреплению.

Из первого публикуемого документа следует, что 20 марта между 6 и 7 часами пополудни в «остроге учинился пожар». Причиной пожара стала загоревшаяся изба малоярославчанина Богдана Васильева сына Булгакова. Огонь с его избы перекинулся на острог и башни, а дальше на посад, где в огне погибли многие дворы и лавки. В остроге сгорели запасы, предназначенные для осадного времени, и постройки: воеводский двор, дворы дворянские и боярских детей, дворы посадских и жилецких, дворы и житницы уездных людей. Пожар не удалось потушить, потому что в это время была буря «великая» и загорелось сразу во многих местах, дома же и в остроге, и на посаде были крыты соломой.

Воевода Ф.С. Куракин попал в тяжёлое положение: ратные люди, стрельцы, казаки, с которыми он пришёл в Боровск, оказались не только без крыши над головой,

но и без денег, одежды, продовольствия, кормов для лошадей. Кроме того, сгорела часть пушечного наряда: «пять пицалей полковых волконей железных да колокол весовой». Воевода успел вывезти в Пафнутьев монастырь привезённую из Калуги в Боровск «государеву зелейную казну и свинца». Ситуация была сложной, грозившей судом. К тому же погода была холодной...

Ф. Квашнин и подъячий И. Протасов осмотрели сгоревший острог, сосчитали оставшиеся дворы в остроге и на посаде. Затем состоялось совещание с боровским воеводой Романом Шушериным и боровскими людьми, на котором было решено строительство крепости отложить до лучших времён, а для «поспешенья» «от прихода польских и литовских людей и черкас надёжно» приделать острог к Пафнутьеву монастырю.

Время было военное, и множество литовско-польских банд мародёров, бежавших из-под Смоленска и насчитывающих более тысячи человек, представляли опасность для таких мало защищённых городов, как Боровск. 15 мая 1634 г. такой отряд (5) появился под Тихоновой пустыню, где разбил людей калужского воеводы Ф.Ф. Волконского, гнал их до Калуги, до вечера штурмовал калужский посад, но был отбит (6). Эти события не могли не вызывать беспокойства и озабоченности у оставшегося в Боровске воеводы Р. Шушерина. 18 мая он пишет в Разряд о том, что после пожара «посадские людишки разбрелись розно, а что есть твоей государевой казны: зелья, свинцу и наряду, – и я отдал в Пафнутьев монастырь до твоего государева указу. *А в осадное время мне с достальными посадскими людишки и с казаки, и с пушкари от литовских и от крымских людей бытии негде*» (курсив наш. – В.О.) (7).

С окончанием Смоленской войны и укреплением границ Русского государства Боровск потерял значение военное и остался только административным центром

уезда. В то же время в Пафнутаевом монастыре продолжается строительство каменных стен и башен.

После Петровских военных побед границы России отодвинулись далеко на запад, и для центральной части страны на целое столетие наступила мирная и тихая жизнь. Вслед за Боровском и Пафнутаев монастырь потерял военное значение. О боровской крепости на городище напоминали только оплывшие земляные валы, а каменные стены и башни монастыря приходили в ветхость и с трудом поддерживались монастырскими властями.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Боровск: Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. М., 1888. С.1.

2. Акты Московского государства, изданные Императорскою Академиею наук / Под. ред. Н.А. Попова. Т.1: Разрядный приказ. Московский стол. 1574–1634 гг. СПб., 1890. С.558.

3. Там же. С.573.

4. Ф.С. Куракин был опытным воеводой, о чём свидетельствует его послужной список в «Русском биографическом словаре». В 1615 г. он принимал участие в борьбе с Лисовским и единственный из московских воевод столкнулся с ним и нанёс незначительное поражение. Он был воеводой большого полка в Туле в 1616, 1617, 1623, 1627 и 1628 гг., в 1619 г. воеводой передового полка на Децилове, где успешно бился с татарами, в 1621 г. в Тверском и Кашинском уезде «разбирал» детей боярских и собирал ратных людей для предстоявшей борьбы с Польшей, в 1628–1631 и 1640–1650 гг. был воеводой в Астрахани, в 1634 г. был воеводой Калуге, в 1635–1636 гг. в Пскове; был воеводой в других городах, исполнял повеления Алексея Михайловича. Умер Ф.С. Куракин 2 ноября 1656 г. (см.: Русский биографический словарь. Кнаппе–Кюхельбекер. СПб., 1903. С.582). Но в этом послужном списке не указан короткий период воеводства в Боровске, во время которого и сгорела боровская крепость.

5. В документе указано, что отряд насчитывал до 4000 человек. Цифра явно завышена, но даже если в отряде было до 1000 человек, это всё равно больше калужского гарнизона.

6. Акты Московского государства. С.619.

7. Там же. С.620.

ПРИЛОЖЕНИЯ

**№ 642-й. Отписка воеводы Ф. Куракина
о пожаре города Боровска**

Воевода князь Федор Семенович Куракин в отписке, полученной в Розряде 22 марта, доносил: «марта в 20 д., в шестом часу дня, гневом Божиим в Боровске в остроге загорелось: и башни и острог, и в остроге воеводский двор, и дворянские и детей боярских, и посадских и всяких жилецких и уездных людей дворы и житницы, которые были в остроге для осадного времени поставлены, все погорели без остатку; и от города на посаде, где я с твоими государевыми людьми стоял, дворы ж и во дворах у твоих государевых ратных людей лошади и служилая рухлядь, и у меня, и у стольников, и у стряпчих, и у московских дворян, и у жильцов и из городов у дворян, и у детей боярских, и у стрельцов и у казаков запасы и конские кормы, сено и овес, все погорело без остатка. А отнять острога и посада от пожара никоими мерами было не уметь, потому что в то время была буря великая и во многих местех загорелось, а хоромы в остроге и на посаде все крыты были соломою. А что со мною привезено из Колуги в Боровск твоей государевы зелейные казны и свинцу и в Боровске было устроено в остроге под соборною церковью, и ту твою государеву зелейную казну и свинец я велел в пожарное время из острога из-под церкви вывезти и устроить в Панфутьево монастыре. И ныне я в Боровске стою на пожарище, и твои государевы всякие люди своих и конских кормов купити не добудут, уездные люди своих и конских кормов на торг продавати не возят, и они сами и лошади их помирают голодною смертию; и впредь, государь, мне с твоими государевыми ратными людьми для их и конских кормов где укажешь стоять?..»

Помета: «142 г. марта в 22 д. Государь, сей отписки слушав, указал: послать дворянина добра и велеть пожар в городе и на посаде дозрити».
Москов. ст. столб. №104. Л.359—361

№ 643-й. Наказ Ф.И. Квашнину и подьячему Ивану Протасову осмотреть сгоревший город Боровск и принять меры к его укреплению

Лета 7142-го, марта в 22 д. Государь... велел Фоме Ивановичу Квашнину да подьячему Ивану Протасову ехать в Боровеск, для того: в нынешнем, в 142-м, году, марта в 22 д. писал ко государю из Боровска стольник и воевода, князь Федор Куракин: марта де в 20 д., в шестом часу дня, в Боровске в остроге загорелись башни и острог, и в остроге воеводский двор, и дворянские и детей боярских, и посадских и всяких жилецких и уездных людей дворы и житницы, которые были поставлены в остроге для осадного времени, все погорели без остатка; и от города на посаде, где стоял стольник он, князь Федор, с ратными людьми, дворы и во дворах у ратных людей лошади и служилая рухлядь у него, князь Федора, и у стольников, и у стряпчих, и у московских дворян, и у жильцов, и у городских дворян и детей боярских, и у стрельцов и у казаков запасы и конские кормы, сено и овес, все погорело без остатка. А отнять было острога и посада от пожара никакими обычаи не уметь, что в те поры была буря великая и во многих местех загорелось, а хоромы в остроге и на посаде все крыты соломою. А что привезено было из Колуги в Боровеск зелейные казны и свинцу, и то зелье и свинец из острога вывезено в Пафнутьев монастырь. И ныне де ратные люди своих и конских кормовъ купить не добудут, а уездные люди людских и конских кормов на торг продавать не возять. Того ж числа, марта в 22 д., писал

к государю... из Боровска ж Роман Шушерин, что марта в 20 д., в седьмом часу дня, в остроге учинился пожар, загорелась изба у ярославченина, у Богдана Васильева сына Булгакова, и от той избы острог и башни все погорели и в посаде многие дворы и лавки погорели, а наряду сгорало: пять пищалей полковых волконей железных да колокол вестовой. И Фоме Квашнину и подьячему, приехав в Боровеск, досмотрить острог в Боровску: весь ли сгорел, или от пожара острогу что осталось, и сколько сажен острогу, и что в остроге и на посаде дворов уцелело, и посоветовати ему с Романом и с Боровскими житецкими людьми: на старом ли городище ныне осада строить, и как строить, и сколь далеко от городища лес возить, или бы ныне для поспешенья приделать острог к Пафнутьеву монастырю с которую сторону к крепости, чтоб осада устроить от прихода польских и литовских людей и черкас надежно и безстрашно. А построить б осада тутошними житецкими и уездными всякими людьми ныне вскоре. Да что им Роман и боровские житецкие люди скажут, и в котором месте и какими обычаи осада строить и сколь далеко на острог и на всякое строение лес возить, и Фоме, и подьячему о том тотчас отписать к государю... подлинно, а самим им побыть в Боровску до государева указа.

Да спросити им Ярославца-Малого Богдана Васильева сына Булгакова: марта в 20 д. какими обычаи у него изба загорелась, и сам он в те поры или товарищи его, становщики в стану у себя были ль, и кто у него людей в те поры в стану были? да будет Богданъ Булгаков скажет, что в те поры, как загорелось, в стану его у себя не было, а были в те поры в стану товарищи его, и Фоме и подьячему потому ж спросити становщиков Богдана Булгакова и людей, которые стояли с Богданом Булгаковым: какими обычаи у них и при ком в стану загорелось и кто зажег? А спрося Богдана Булгакова

и становщиков его и людей, велети речи их записать и велети к тем роспросным речем Богдану и товарищем его руки приложити. Да сыскати ему в Боровску игумены, и попы и дьяконы — по священству, а дворяны и детьми боярскими, и стрельцы, и казаки и посадскими и всякими служилыми и жилецкими людьми, по государеву... крестному целованью: в нынешнем, в 142-м г., марта в 20 д. какими обычаи пожар учинился, и у Богдана ль Булгакова сперва загорелось, или у кого у иного, и отъимка от пожару была ль, и сколько наряду и всяких пушечных запасов сгорело, и сколько всяких дворов сгорело? Да кто что про то в сыску сыскные люди скажут, и им тех людей имена и речи велети написать на список земскому или церковному дьячку, да к тем сыскным речам велети обыскным людям руки приложити, а которые обыскные люди грамоте не умеют, и в тех людей место велети отцом их духовным руки приложити; да те сыскные речи привезти к государю к Москве и отдати в Розряде дьяком, думному Ивану Гавреневу, да Михаилу Данилову, да Григорью Ларионову. Да спрашивать им себе тайным обычаем княж Федорова полку Куракина дворян и детей боярских и у всяких служивых людей: сколько запасов людских и конских сгорело, и у кого станы погорели и у кого не погорели, и ныне в людских запасах и в конских кормех служилым и жилецким людям скудость большая, и в какову цену ныне в Боровску на торгу хлебные запасы, и овес, и сено купят? про то им про все розведати и розсмотрети подлинно, да о том тотчас к государю отписать, чтоб государю про то вскоре было ведомо. А обыскивати им про пожар подлинно, никому в том не норовити; да будет пожар учинился от Бодана Булгакова или от его людей небереженьем, и Фоме и подьячему Богдана Булгакова людей велети бить кнутом нещадно. А для розсылки розсылщиков, и пушкарей и затинщиков, и для

письма дьячков взяти им в Боровску у Романа Шушерина, а к Роману о том от государя писано.

Москов. ст. столб. №104. Л.363—371

Публикация: Акты Московского государства, изданные Императорскою академиею наук / Под. ред. Н.А. Попова. Т.1: Разрядный приказ. Московский стол. 1574—1634 гг. СПб., 1890. С.591.

Г.И. КОРОЛЁВ

ЖИТЕЛИ БОРОВСКА НА РУБЕЖЕ XVI–XVII ВВ.

Из-за отсутствия источников изучение состава населения Боровска до XVII в. невозможно. Случайно сохранившимся является известие о Тише Иванове сыне Боровитинова в числе московских купцов, ограбленных в Литве, список которых был предъявлен русской стороной на переговорах с литовцами в марте 1489 г. (1). Отчество Тиши (Тихона) говорит о некоем Иване, происходившем из Боровска. Прочие ранние источники о жителях Боровска относятся к первым двум десятилетиям XVII в. Главным документом служит дозорная книга 1621 г., в которой записаны, в частности, те, кого в городе не было, но за кем числились дворовые места.

В ряде случаев дозорщик зафиксировал гибель горожан при погроме Пафнутьева монастыря войском Лжедмитрия II летом 1610 г. В описании Спасского прихода сказано: «А посадцкие люди побиты в Пахнутьеве монастыре в 118 году» (2). Эти слова относятся к 4 из 5 дворовых мест. Погибшие владельцы названы поимённо: Яков Смолягин, Сысойко Иванов, Познячко Олфимов и Третьячок Нечаев. Здесь и далее имена приводятся в формах, употреблённых в документе. Отчество Сысойки дано по писцовой книге 1625 г. В монастыре погибли также 1 человек из Успенского прихода и 14 – из Рождественского (3). О 4 бобылях из слободки благовещенского протопопа в Пятницком приходе «старожилы» сказали, что те «померли в осаду» (4).

Люди, погибшие в 1610 г., родились в XVI в.: все они были главами дворов, а такое качество приобреталось обычно взрослыми. Называние некоторых посадских полными именами может говорить об их старшем возрасте.

Очевидно, что до 1601 г. родились Ортёмка Ефанов, поставивший без разрешения «торговую баню» в 1611 г., Богдашко Полоумов и Афонька Мартьяхин, ограбившие за городом крестьян в 1612 г. (5), и кабацкий откупщик Олёшка Киркин с таможенными целовальниками Степанком Долговым и Микитой Юрьевым, о которых упоминает документ 1613 г. (6). Богдашко Полоумов назван посадским человеком, но в 1621 г. он числился бобылём Мякишевской слободы, принадлежащей Пафнутьеву монастырю (7). То ли этот человек назван посадским ошибочно, то ли он позднее перешёл с посада под монастырское крыло.

Не установлено время запустения Фроловского прихода. Правда, в дозорной книге сказано, что приходскую церковь сожгли «крымские люди» (8). Судя по двум упоминаниям, относящимся к другим местам города, крымцы жгли церкви в 1609 г. или 1610 г. Приход мог запустеть вместе с церковью или в иные годы Смутного времени. Из учтённых дозорщиком «фроловцев», за которыми в 1621 г. числилось 15 дворовых мест, в Боровске жил лишь Терёшка Скопнин, имевший двор в Спасском приходе. В Спасском же приходе жила Офросинья, вдова Семёна Семянникова, скорее всего того, чьё дворовое место находилось во Фроловском приходе.

До 1610 г. родились сыновья «фроловцев» Ширяя (Прокофия) Шепелева – Бориско Ширяев (Егорьевский приход), Терентия Скопнина – Корнилко Терентьев, владевший двором вместе с предполагаемым братом Петрушкой Офонасьевым Скопниным (9). Сыновьями погибших в 1610 г. «успенца» Пятого Лунина, «рождественцев» Фёдора Ширяева и Федьки Табанова были соответственно Артёмка (Артюшка) Лунин, Осташка Ф. Шепелёнок и Сенька Ф. Табанов (10). Неясно отношение к другим Скопниным записанного в писцовой книге 1625 г. Евлички Скопнина из Спасского прихода (11). Опреде-

лённо, однако, что этот дворовладелец родился до 1610 г. При нехватке источников сходство имён затрудняет родословные изыскания. Так, только лишь весьма вероятным представляется, что погибший в 1610 г. Третьячок Нечаев – это муж вдовы Оринки Третьяковской жены Нечаевой, с сыном Гарасимком записанной в 1621 г. В переписной книге 1646 г. этот сын фигурирует как Гарасимко Максимов Третьяков (12). По отчеству устанавливается крестильное имя покойного Третьяка – Максим.

Выше речь шла о посадских людях и городских бобылях. Выявлены имена представителей других сословий. По крайней мере в 1602–1604 гг. должности губных старост одновременно занимали Потап Полибин и Пятой Митрофанов, дворяне (13). Источник 1613 г. называет протопопа боровского Благовещенского собора Фёдора (14), позднее уехавшего из города. В разборной десятина 1622 г. записан губной староста Тихон Иванов сын Хомяков, которому было 73 года. По отметке о бедности Хомякова вследствие военного разорения я предполагаю его проживание в Боровске по крайней мере в годы польской интервенции (15). Воеводы и осадные головы как люди, назначавшиеся на время, главным образом короткое, в настоящей статье не учитываются.

Установленные как жители Боровска рубежа XVI–XVII вв. люди перечисляются в приводимом ниже списке. В нескольких случаях данные 1621 г. уточнены по писцовой книге 1625 г., а ошибки публикации 1888 г. исправлены по архивному экземпляру дозорной книги (16).

Список боровичей

Погибшие в 1610 г.: Яков Смолягин, Сысойка Иванов, Познячко Олфимов, Третьячок Нечаев (Спасский приход), Пятой Лунин (Успенский приход), Ивашка Бя-

кин, Жданко Салков (Солков), Сенька Лазарев (1625 г. – Лазутин), масленник Иван Мордвинов, Ероня Михеев, Фёдор Ширяев, Баженко Ходыкин, Максимко Чорной, Илейка Головкин, Ивашка Хряпин (в публикации – Хрянин), Федька Табанов (Тобанов), Петрушка Лаптев, Тимошка Жилиевской, Васька Митякин (Рождественский приход), сапожник Федька, Антюха, Бажен, Лукаш (слободка благовещенского протопопа).

Сыновья и вдова: Артёмка (Ортюшка) Лунин, Осташка Фёдоров Шелепёнок, Сенька Фёдоров Табанов, Оринка Третьяковская жена Нечаева, Гарасимко Максимов Третьяков, бобыль Савка Лукашев.

Упомянутые в 1602–1614 гг.: Потап Полибин, Пятой Митрофанов, Афонька Мартыяхин, Богдашко Полоумов, Ортёмка Ефанов, Олёшка Киркин, Степанко Долгов (Долгой), Микита Юрьев, протопоп Фёдор, Тихон Иванов Хомяков (по записи 1622 г.).

Владельцы дворовых мест Фроловского прихода: Иванко Кирилов, Мишка Дехтярёв, Терех Паскин (в публикации – Пашин), Иванко Беленинов, Терех Скопнин, Богданко Мартынов, Васька Голубой, Родька Зверкин, Бориска Ветошник, Федька Скопнин, Родя Митрохин, Онтюх Салехин (не погибший ли в 1610 г. «Антюха»?), Сенька Семенников, Ширяй (Прокофий) Шепелев, Степанко Ярохин.

Другие: Корнилко Терентьев Скопнин, Евличка Скопнин, Бориско Прокофьев Ширяев, Офросиньица Семёновская жена Семянникова.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Сборник Императорского Русского исторического общества. СПб., 1887. Т.59. С.30.
2. Боровск: Материалы для истории города XVI и XVII столетий. М., 1888. С.2. (Далее – Боровск).
3. Там же. С.3, 9, 10.

ЗЕМЛЯ БОРОВСКАЯ. ВЫП.2

---

4. Там же. С.3.
5. Акты подмосковных ополчений и Земского собора 1611–1613 гг. / Собр. и ред. С.Б. Веселовский. М., 1911. С.117.
6. Земельные пожалования в Московском государстве при царе Владиславе / Под ред. и с пред. Л.М. Сухотина. Б.м., б.г. С.248, 249.
7. Боровск. С.5.
8. Там же. С.2.
9. Там же. С.2, 7.
10. Там же. С.2, 9.
11. Там же. С.8.
12. Там же. С.2, 14.
13. Разрядные книги 1598–1638 гг. М., 1974. С.132, 150, 174; Боярские списки последней четверти XVI–начала XVII в. и роспись русского войска 1604 г. М., 1979. Ч.2. С.78.
14. Боровский уезд в XVII в. (Материалы дозора 1613 года) / Подгот. С. Ермолаев. М., 1992. С.100.
15. Ермолаев С.С. Источник по истории и генеалогии дворянства XVII в.: Боровская разборная десятина 1622 года // Историческая генеалогия. 1993. №2. С.73.
16. Российский государственный архив древних актов. Ф.1209. Оп.1. Д.399.

И.А. НЕЖДАНОВ

**РАЗВИТИЕ КУСТАРНЫХ ПРОМЫСЛОВ
В БОРОВСКОМ УЕЗДЕ В КОНЦЕ XIX–НАЧАЛЕ XX ВВ.**

Как известно, кустари – это производители промышленных изделий, работающие, в отличие от ремесленников, на рынок (1).

В дореволюционный период значительная часть продукции в России изготавливалась именно кустарями (2), что, безусловно, говорит о значимости кустарного производства в экономике страны.

Большинство кустарей приходилось на сельскую местность – 3 млн. чел., или 75,7% всех занятых в этом производстве (3).

Основными видами производства были: обработка древесины (плотницкое и столярное дело, изготовление мебели, саней, телег, плетение – из берёсты, ивы, дуба, лыка, ткачество рогож, строительство барок, курение смолы, дегтярное производство, выжиг угля), обработка свиной щетины, волокнистых материалов (конопля, лён, шерсть), гончарное производство. Тем или иным ремеслом занимался практически каждый крестьянин, при этом «крестьянская промышленность» достигла такого уровня, что началась узкая специализация. Спецификой кустарного производства можно считать безотходность, экономичность, экологическую чистоту (4).

Кустарное производство подразделялось не только по видам выпускаемой продукции, но и по своей организации. Были кустари-одиночки, было семейное производство, существовали и мастерские, где использовался наёмный труд. Имела место и «рассеянная мануфактура», когда владельцы раздавали сырьё кустарям-надомникам и забирали у них готовую продукцию (5).

Говоря о Боровском уезде, следует отметить, что на

его территории были развиты такие виды промыслов, как деревообделочный (производство мебели и сундуков), колёсный, бондарный, санко-тележный, канатно-верёвочный (особенно в деревнях Совьяки и Загрязье), почти повсеместно было распространено плотницкое и столярное дело. Выделялся Боровский уезд ткачеством (6).

Известно, что в 53 населённых пунктах уезда производили ткань (особенно ценилась сарпинка, которую сбывали московским купцам), изготавливали бумажные и шерстяные платки, шали, фартуки, полотенца, одеяла, ковры. Чуть ли не в каждом селении имелось по 2-3 конторы, владельцы которых поставляли кустарям сырьё и скупали готовую продукцию (7). Следовательно, здесь мы можем говорить о преобладании «рассеянного» типа мануфактуры. Всего в Боровском и соседних Малоярославецком и Медыньском уездах ткачеством занималось около 6 тыс. крестьян (8).

Славился Боровский уезд и кружевоплетением, которое было распространено в Чубаровской, Тарутинской, и Куриловской волостях (9). Причём это было не просто производство продукции, но и искусство, которым в совершенстве владели мастерицы, о чём свидетельствует такой факт, что на Московской выставке в 1902 г. изделия кружевниц были удостоены похвальных листов (10). Данный промысел был семейным, его искусство передавалось по наследству, заниматься им начинали с раннего детства. В каждой семье кружевным промыслом занимались все женщины: от бабушек до внучек. Занятие это приносило 30-50 руб. дохода (11). Здесь мы имеем дело с такой организацией, как семейное производство. В Тарутинской волости кружевной промысел был развит в 27 из 33 селений, занималось им 1205 мастериц; в Чубаровской волости в 13 из 21 селения работали 477 кружевниц (12).

Участвовали боровские мастера и в Кустарно-про-

мышленной выставке, проходившей в Санкт-Петербурге в 1902 г., где были представлены следующие изделия:

- корзины к саням (мастер Г.И. Кабинкин, д. Клин);
- изделия из соломки (К. Максимов, д. Коростелёва);
- шкатулки (И. Никитин, г. Боровск);
- сарпинка (К. Иванов, с. Мишуково);
- упаковочные верёвки (Н.П. Григорьев, с. Савьяки);
- кружева (имена мастериц из Чубаровской и Тарутинской волостей, к сожалению, неизвестны) (13).

Продукция кустарей продавалась и на ярмарках, так 1–7 мая 1903 г. проходила Пафнутьевская ярмарка, где можно было приобрести колёса (по цене от 6 руб. 25 коп. до 8 руб.), ящики для телег (4 руб.–8 руб. 50 коп.). Вообще же, на основе данной информации можно судить о ценах, в частности, на скотину. Лошади, например, стоили от 60 руб. до 250 руб., коровы – от 40 руб. до 70 руб. (в зависимости от породы и назначения) (14).

Следует отметить и то, что по всей Калужской губернии славились боровские хлебопёки и огородники (15).

Налогообложение кустарей осуществляли земские органы, при этом учитывалась стоимость оборудования и помещения (если мастерская находилась в отдельном здании) и взимался налог в размере 1/50 этой стоимости в год. На основе окладных книг земских сборов можно привести следующие оценки заведений, которые существовали в 1892–1894 гг.:

- кузницы (25 руб.–200 руб.);
- столярные заведения (50 руб.–150 руб.);
- сапожные заведения (70 руб.–100 руб.);
- тележные (15 руб.–100 руб.);
- санные (100 руб.);
- колёсные (50 руб.–100 руб.);
- бондарные (100 руб.–150 руб.);
- бараночные (50 руб.–400 руб.) (16).

Известно, что в годы I мировой войны (которая, кстати, в документах того времени именовалась Великой Отечественной) военные и гражданские власти Калужской губернии рекомендовали населению заниматься починкой различных видов обмундирования (шинели, гимнастёрки, фуражки, шапки, сапоги). Согласно циркуляру калужского губернатора и переписке с интендантами военного округа, организовывались артели, куда привлекали, прежде всего, мастеров, среди которых было немало кустарей. Были введены и денежные расценки, так, закройщик получал 120 руб., помощник – 80 руб. (17).

В первые годы советской власти кустарное производство переживало довольно сложный период, многие заведения закрывались, но причиной этого были отнюдь не политические решения новой власти, а чисто экономические трудности. По крайней мере, в «Наряде бумагам наблюдений за правильностью производства торговли и промыслов за 1918 г.», где кустари объясняют прекращение своей деятельности, сплошь и рядом встречаются такие выражения: то или иное заведение закрывается «... за полным отсутствием товара...» или «за невозможностью покупки сырья» (18).

Податные инспектора на местах, отчитываясь перед вышестоящим руководством, объясняют это «... общими условиями, в которых находится торговля и промышленность всей страны...» (19).

Таким образом, можно заключить, что новая власть не проводила каких-либо специальных мер по оказанию влияния на кустарное производство, подобное воздействие началось позже, когда в стране проводился нэп со всеми своими, зачастую трагическими, противоречиями. Именно тогда кустарные промыслы подвергались критике, а к кустарям стали относиться как к «эксплуататорским элементам», хотя практически все они являлись самопроизводителями продукции (20).

Но это уже иной этап кустарного производства в России. Мы же ограничимся лишь следующим утверждением: кустарное производство играло в конце XIX—начале XX вв. довольно важную роль, кустари изготавливали самую разнообразную продукцию, качество которой было весьма высоким. В Боровском уезде преобладали «рассеянная мануфактура» и семейное производство, относится это, прежде всего, к ткачеству и кружевоплетению. Налоги не были обременительными, по этой причине кустарными промыслами могли заниматься почти в любой семье. Подобное положение существовало до 20-х годов XX в.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Большая советская энциклопедия. Т.14. М., 1973. С.149.
2. Там же. С.114.
3. Там же. С.149.
4. Беловинский Л. И жнец и швец // Былое. 1997. №10. С.8–9.
5. Нежданов И.А. Организация артелей в кустарном производстве в Калужской губернии в конце XIX—начала XX вв. // Дневник проведения дней истории в г. Боровске. Боровск, 2002. С.32.
6. Раков В.Н. Из истории местных кустарных промыслов // 5-я краеведческая конференция Калужской области. Обнинск, 1990. С.250–251.
7. Подшивалов П., Анисимов В. Ермолино. Тула, 1979. С.8.
8. Дундукова Д. Народные промыслы Калужской губернии // Весть. 1995. №107. С.3.
9. Раков В.Н. Указ. соч. С.251.
10. Раков В. Коклюшечные перезвоны // Ленинский луч. 1984. №111.
11. Там же.
12. Государственный архив Калужской области (ГАКО). СИФ. №1390: Справка о кустарном производстве Калужской губернии (области). С.2–6.
13. Там же.
14. Ярмарка // Торгово-промышленная газета. 1903. №106; См.: Материалы для истории г. Боровска и его уезда. Т.3. Боровск, 1998. С.43.

ЗЕМЛЯ БОРОВСКАЯ. ВЫП.2

---

15. Харитонов Ю., Щербаков Д. Крестьянское движение в Калужской губернии (1861–1917). Калуга, 1961. С.18.
16. ГАКО. Ф.479. Оп.1 Д.53. Л.15–116; Д.52. Л.37–131.
17. Там же. Д.75. Л.1–7.
18. Там же. Ф.559. Оп.2 Д.2. Л.1–3, 5.
19. Там же. Л.6.
20. Зеленин Н.Е. Коллективизация и единоличник // Отечественная история. 1993. №3. С.37–39.

Н.И. КОЖЕВНИКОВА

БОРОВСКИЕ ОГОРОДНИКИ В КАЛУГЕ

Речь пойдёт о промышленных огородниках – тех, кто имели в арендном содержании с торгов городские огородные земли.

В книге А.И. Пульхерова «Садоводство и огородничество в Калуге и Калужском уезде» исторические сведения о садоводстве и огородничестве мы имеем с конца XVIII столетия. В это время, если судить по плану генерального межевания 1777 г., было достаточное количество садов, и в особенности огородов, в западной, северной и восточной частях Калуги. История калужских огородников – это частица истории и Калуги, и Боровска, откуда родом многие из них.

По сведениям Калужской городской управы, в 1909 г. под огороды сдано всего городской земли 113 дес. 662 кв. саж. с платою 4420 руб., что составляет в среднем по 37 руб. 34 коп. за десятину.

Наибольшее производство под огородами занято боровским мещанином Сергеем Матвеевичем Щербаковым, всего 41 дес., из них до 9,5 дес. собственной земли около железнодорожного вокзала, 12 арендовано у крестьян Клыпиных и 19,5 – у города на р. Яченке. В 1909 г. у него находилось примерно: под капустой 10, огурцами 9, луком 7, картофелем 7, морковью 1, чесноком 1, другими овощами до 1 дес. Для огорода было нанято 37 работниц по 30-35 руб. за лето, и 8 работников – круглый год. Овощи Щербаков вывозил в другие города (в 1905 г. – до 10 вагонов лука и до 30 вагонов огурцов). Парников у него до 150 рам. Щербаков в 1909 г. за свою полезную деятельность по огородничеству Отделом Садоводства представлен к высочайшей награде – серебряной медали для ношения на шее.

Боровский мещанин Михаил Иванович Болдырев имел в Калуге огороды близ Хлюстинской больницы, нанимал до 30 работниц. Сбыт овощей осуществлял в Петербург, Варшаву, Москву, Ригу. Представлен к серебряной медали.

В Калуге издавна славилась огороды Елизаветы Тимофеевны Глухарёвой на Козинке, на Садовой улице. Она арендовала также у города 28,5 дес. на так называемом Мальцовском лугу, близ вокзала, из них 18,5 обрабатывала сама. Возделывался картофель, лук, капуста, огурцы.

На огородах братьев Капыриных, занимавших до 18 дес. близ Пятницкого кладбища, выращивались капуста, огурцы, лук, картофель, свёкла.

Георгий Федосеевич Ерохин около городской бойни арендовал у города до 10 дес. земли, на которых выращивал цветную капусту, малину.

Филипп Иванович Болдырев имел под огородами на Боровской улице 11 дес. собственной земли.

Алексею Матвеевичу Щербакову под огороды на Мальцовском лугу Е.Т. Глухарёва уступила в аренду 10 дес. городской земли.

Михаил Васильевич и Иван Алексеевич Зотовы арендовали землю у М.И. Болдырева близ Лаврентьевской рощи.

Другие огородники тоже арендовали землю: Николай Александрович Рудаков близ Хлюстинской больницы; Александр Родионович Рудаков близ д. Киёвка; Матвей Савельевич Михайлов в д. Киёвка; Трофим Матвеевич Нагибин близ Лаврентьевской рощи; Иван Николаевич Второв 4-5 дес. близ исправительного приюта, Мария Ивановна Глухарёва до 3 дес. там же (1).

Мне посчастливилось выйти на потомков огородников Щербаковых, узнать их историю, познакомиться с документами из семейных архивов, бережно хранимых.

Судьбы наших огородников после 1917 г. оказались трагическими. Их лишили имущества, репрессировали. Ерохины, отец и четверо сыновей, родом из д. Рябинки, погибли на севере (2).

О трагедии семьи Сергея Матвеевича Щербакова (1845?–1918) узнаём из копии обращения его жены Любви Лукиничны (1869–1941) к председателю Реввоенсовета К.Е. Ворошилову:

«В последних числах января текущего (1929 г.) местным сельсоветом была произведена опись всего моего хозяйства и забраны: лошадь, корова, сельхозинвентарь, фураж и корнеплоды, описаны служебные постройки, и мне предложено выселиться. Считаю настоящее применение ко мне абсолютно неправильным, так как не могу считаться нетрудящейся, а принадлежу к среднякам, всю жизнь работая с семьёй из огородничества. Все мои четыре сына служили в рядах Красной Армии, из которых два погибли в период гражданской войны за рабочее дело.

Первый сын, Сергей (1896 г.р.), был призван в 1915 г., служил до 1920 г., умер в эпидемию сыпного тифа в 36-м эвакогоспитале в звании лекарского помощника. Второй сын, Пётр (1895 г.р.), был призван в 1916 г., служил на румынском фронте в 21-м стрелковом полку пулемётной команды 11-го батальона, затем под Царицыном, и после в Ленинграде, куда был послан для прохождения курсов 1919 г., откуда и погиб без вести. Третий сын, Михаил (1900 г.р.), вступил добровольцем в 48-й батальон Отделения железной дороги в 1918 г., служил в 1-м запасном стрелковом полку, после в 241-м полку. Четвёртый сын, Андрей (1903 г.р.), служил переменником в 241-м стрелковом полку 81-й стрелковой дивизии с 1926 по 1928 г. Ему выпала тяжёлая доля нести бремя работ за взятием всех братьев на фронт и преклонных лет родителей. И он умер в 1928 г. от паралича сердца.

Исполняя работы без перерыва в трудное голодное время, отдавая все силы труду, кладя свои сбережения в огородное хозяйство, платя государству повинности, мне на скате лет приходится просить помощи у чужих людей. Обращаюсь к Вам как к единственному заступнику за своих сыновей-красноармейцев и прошу Вашей помощи о возвращении мне всего отображенного и восстановления меня и моего единственного теперь сына, Михаила, в правах гражданства» (3).

Вернули семье Л.Л. Щербаковой только домик на Клыпинских двориках... Сведения о дочерях: Любовь (1898–1982) вышла замуж за Марка Тимофеевича Щербакова (1889–1974), Мария (1901–1979) стала женой Николая Васильевича Домогацкого (30.03.1882–1942), их дочь Валентина Николаевна Ленченко (1922 г.р.), кандидат наук, проживает в Москве. Младшей дочерью была Ефросинья (1908–1989), в замужестве Никонова.

Семья огородника Алексея Матвеевича Щербакова (1858–1930) проживала на Ямской улице за Московскими воротами, неподалёку от дома Домогацких. Жёны Алексея Матвеевича Щербакова и Александра Васильевича Домогацкого, владельца дома и колбасной фабрики, были подругами.

Сын А.М. Щербакова Сергей Алексеевич вспоминал: «Родился я 17 июня 1904 г. Шла война с Японией. Моя крёстная мать, купчиха Лидия Ивановна Домогацкая, в шутку выговаривала моей матери за то, что она слишком много думала о японцах, а в результате родился настоящий японец. Действительно, в детстве у меня сильно проступали монголоидные черты лица. Меня это не беспокоило, наоборот, я больше, чем полагалось, получал подарков от своей крёстной. Она меня любила.

Дед мой, Матвей Щербаков, был крепостным. Барин отпускал его на заработки, которыми дед был обязан с ним делиться. Ко времени реформы 1861 г., арен-

дую фруктовые сады, дед сколотил небольшое состояние, и, выйдя на волю, приписался к мещанам г. Боровска. Стал заниматься огородничеством, благо Москва была недалеко, куда сбывались выращенные овощи.

У деда были три сына: Сергей, Афанасий, Алексей – и одна дочь Анна. Когда умер дед Матвей, я не знаю. Знаю, что старший сын Сергей взял бразды правления хозяйством в свои руки, превратив меньших братьев и сестру в батраков. Щербаковы переселились в г. Калугу, где огороды дяди Сергея начинались сразу же за железнодорожной веткой, пересекающей Боровское шоссе. Дом дяди находился в начале посёлка Клыпинские дворики. „Братки“ могли выйти из хозяйства, но своей доли наследства из рук старшего брата оказалось получить не так-то просто. Смирился со своей долей дядя Афанасий, торгуя яблоками, виноградом, черешней, вишнями в подвальчике Гостиного двора зимой и летом. Свой протест выразил в частом запое, так и не создав своей семьи. Почти так же сложилась и судьба Анны Матвеевны. Как бесприданница, она не могла выйти замуж, и проработала в хозяйстве брата всю жизнь в качестве поварихи. А работы у неё хватало, особенно в летнее время, когда брат нанимал на работу девушек из Рязанской губернии. Их было не менее десяти, кроме того, были работники мужчины для ухода за скотом. Хорошо помню одного конюха из цыган: он поразил меня своей игрой на жалейке» (4).

В патриархальной семье Сергея Матвеевича Щербакова придерживались старой веры, почитали традиции. По одной из семейных традиций девочкам давались имена Вера, Надежда Любовь, день ангела которых был самым любимым семейным праздником. Поведаю о современных потомках Щербаковых с такими замечательными именами.

Вера Марковна Сайкова (1926 г.р.) – участница

трудового фронта в годы Великой Отечественной войны, ветеран строительной отрасли (инженер по обучению рабочих кадров).

Надежда Марковна Заботина (1923 г.р.) – участница Калужского комсомольского молодёжного спецэшелона на строительстве оборонительных сооружений под Москвой летом 1941 г., ветеран вагонного депо Калужского отделения железной дороги (свыше 50 лет проработала техником на одном производстве).

Любовь Васильевна Денисова (1960 г.р.) – хранительница семейной памяти о калужских (боровских) огородниках, преданий, услышанных в детстве от своей доброй, начитанной любимой бабушки Любви Сергеевны Щербаковой.

Я успела записать воспоминания коренной калужанки Ольги Михайловны Ковтун (Васильевой) (1925–2004):

«Алексей Матвеевич Щербаков приходился моей бабушке, Марии Алексеевне (1854–1940) зятем, был женат на её дочери от первого брака с Александром Савельевичем Кашиным Наталье (1870–1924). Кашины – калужские плотогоны, держали „полпивную“ (выпил-закусил), проживали на Болдасах. Александр Савельевич рано умер. Во второй раз бабушка вышла замуж за козельчанина Ивана Васильевича Васильева, с которым жили на Новорезжской, за плотиной. Бабушка считалась „временной купчихой“, держала пекарню, хлебопёком в которой трудился Прокофий Семёнович Богатырёв. Она имела гусей, поросят. Мясо коптить носила на колбасную фабрику Домогацких. Лидия Ивановна Домогацкая дружила с тётёй Наташей, была крёстной матерью её детям: Николаю, Нине, Марии, Александру и Сергею, который позже работал в краеведческом музее. Моими крёстными были: тётя Наташа и Ющин Родя, работник Щербаковых. Мой отец в годы нэпа работал у Петра

Степановича Ракова. Позже вспоминал, что приходил тот на рынок чуть свет, работу начинал так: перекрестится, откроет амбар, возьмёт совок зерна и высыпает голубям. Отец был репрессирован, трудился на строительстве Беломорско-Балтийского канала и старом БАМе. Когда через 2 года вернулся, узнать его было трудно: худой, морщинистый, бледный. Но озлобленности не было. По возвращении стал работать пекарем».

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Пульхеров А.И. Садоводство и огородничество в Калуге и Калужском уезде Калуга, 1910.
2. Из воспоминаний М.А. Оселковой.
3. Из семейного архива Н.М. Заботиной.
4. Из семейного архива Л.В. Денисовой.

От редакции: Опубликовано в авторской редакции под заголовком «Калужские огородники (К 145-летию со дня рождения калужского краеведа и садовода А.И. Пульхерова)»: Калуга в шести веках: Материалы 5-й городской краеведческой конференции. Калуга, 2005. С.161–166.

З.В. ВАСИЛЬЕВА

**ОБНИНСКИЕ – ОБЩЕСТВЕННЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ
ДЕЯТЕЛИ КАЛУЖСКОГО КРАЯ**

В данном докладе я попыталась дать исторические портреты представителей династии Обнинских, деятелей XIX–XX вв., живших в Боровском уезде. Это Наркиз Антонович Обнинский, два его сына – Пётр Наркизович Обнинский и Анатолий Наркизович и два внука – Виктор Петрович и Борис Петрович. Высокообразованные и разностороннеодарённые, они не остались в стороне от насущных вопросов своего времени и внесли свой вклад в общественную и политическую жизнь калужского края.

Обнинские – потомственные дворяне польско-литовского происхождения. Предки Обнинских жили в наследственном поместье Обнижа, что означает «понижение». Можно предположить, что фамилия Обнинских произошла от названия места. Находилось оно в Бельско-Подляжском уезде и входило в состав Великого княжества Литовского, позднее в объединённое польско-литовское государство.

Первым из Обнинских, поселившимся в Калужской губернии, был Наркиз Антонович Обнинский. Его отец, поручик польской кавалерии, Антон Лаврентьевич вместе с родителями во время правления Екатерины II эмигрировал в Россию и был приравнен в правах к русскому служилому дворянству. В 1804 г., представив доказательство о своём дворянском происхождении, Антон Обнинский с сыновьями Наркизом и Филиппом был внесён в Дворянскую родословную книгу Киевской губернии, в её первую часть.

Наркиз Антонович Обнинский (1794–1863), участник войны 1812 г. и заграничного похода, участник подавления польского мятежа 1831 г., командир дивизио-

на, служил в Казанском драгунском полку. В 1838 г. в чине полковника вышел в отставку. В 1840 г. он у графини А.А. Бутурлиной приобрёл имение, «состоящее Калужской губернии Боровского уезда ... селе Белкино, сельцах Самсоново, Шемякино, д. Кривское, с-це Пяткино». В 1845 г. Н.А. Обнинский с сыновьями Петром и Анатолием внесён в Калужскую дворянскую родословную книгу, а в декабре 1847 г. дворяне Боровского уезда избрали его своим предводителем. Уже в зрелом возрасте, во время Крымской войны (1853–1856), на Чрезвычайном Калужском губернском съезде дворян 23 февраля 1855 г. Н.А. Обнинский был единогласно избран начальником 73-й Боровско-Малоярославецкой дружины Калужского ополчения. В июле 1855 г. дружина пешком отправилась в Крым, к месту военных действий. В дневниковых записях Н.А. Обнинский талантливо описал этот поход (1). По возвращении он принимал участие в подготовке крестьянской реформы. В 1858 г. боровчане избрали его одним из двух представителей в губернский комитет по улучшению быта помещичьих крестьян, который занимался составлением выкупных проектов, лёгших в основу Положения об освобождении крестьян. Большинство членов комитета отстаивало свои узкосословные интересы, и лишь небольшое число либерально настроенных членов, в том числе и Н.А. Обнинский, хотя бы частично стремились учесть интересы крестьян. На заседании комитета 6 февраля 1859 г. он произнёс горячую речь в пользу добросовестного наделения крестьян землёй. В 1861–1863 гг. при составлении уставных грамот Обнинский наделил своих крестьян землёй выше установленных норм. Имел награды: орден Св. Владимира 4-й степени с бантом за личную храбрость, Св. Станислава 3-й степени, Св. Анны 2-й степени, Св. Анны 2-й степени с императорского короною, орден Св. Георгия 4-й степени и др.

16 декабря 1863 г. Н.А. Обнинский скончался в

с. Белкино, похоронен в Пафнутьев-Боровском монастыре.

Дело освобождения крестьян, начатое отцом, было продолжено сыном. Пётр Наркизович Обнинский (1837–1904) – видный общественный деятель эпохи великих реформ, талантливый юрист. По окончании Московского университета, в эпоху освобождения крестьян, службу начал кандидатом, а с мая 1863 г. – мировым посредником Боровского уезда. При введении в действие Земской реформы в 1865 г., пользуясь популярностью среди крестьян, избран от крестьянского сословия гласным в Боровское уездное земское собрание.

С началом судебной реформы указом Правительствующего Сената от 18 октября 1866 г. П.Н. Обнинский утверждён участковым мировым судьёй Боровского уезда, а вскоре назначен председателем съезда мировых судей. В 1869 г. П.Н. Обнинский перешёл в прокуратуру Калужского окружного суда, затем переведён в Москву, где он, как талантливый прокурор, выступал в роли обвинителя в крупных уголовных процессах. Написал много статей по юриспруденции. Ряд статей П.Н. Обнинского (о предварительном следствии, об адвокатуре, о разлучении супругов, об авторском праве и др.) собраны в книгу «Закон и быт. Очерки и исследования в области нашего реформируемого права» (Вып. I. М., 1891). В 1890 г. П.Н. Обнинский по болезни (парализован) вышел в отставку, но продолжал работать. Талантливый мемуарист, Обнинский оставил записки «Калужское губернское по крестьянским делам присутствие при В.А. Арцимовиче» (2), «Воспоминания юриста» (3) и др. Много занимался Пётр Наркизович и благотворительной деятельностью. Он председатель Московского общества попечения о неимущих и нуждающихся в защите детей, член Юридического общества. В 1895 г. при участии П.Н. Обнинского в Белкине открылась бесплатная библиотека-читальня для крестьян.

В 1904 г. в Москве П.Н. Обнинский скончался. Похоронен в родовом имении – с. Белкино у церкви Бориса и Глеба.

В Боровском уезде служил и другой сын Н.А. Обнинского Анатолий Наркизович (1841–1911?). По окончании Московского университета в 1863 г. службу начал в Калуге в качестве секретаря Калужской уголовной палаты. В 1872 г. в чине титулярного советника служил участковым судьёй 1-го участка Боровского уезда, куда входили деревни Добрино, Тарутино, Курилово, Чубарово, Иклино и некоторые селения Рощинской и Кривской волостей. В это же время он избран гласным от землевладельцев по Боровскому уезду.

С 1882 по 1899 гг. он осуществлял прокурорский надзор в Боровском и Малоярославецком уездах. С 1897 г. – директор тюремного отделения Боровского уезда. В 1900 г. избран членом Калужского окружного суда, а с 1909 г. – товарищ председателя Калужского окружного суда. Дослужился до чина действительного советника и имел многие награды.

Борис Петрович Обнинский (1872–1921) – младший сын Петра Наркизовича Обнинского окончил Московский университет, юридический факультет. Работал в Пскове. После смерти отца приехал в родовое имение, получив по разделу с. Белкино Боровского уезда и 439 десятин земли. В 1909 г. Б.П. Обнинский был избран гласным по Боровскому уезду, затем переизбирался до 1917 г. В 1918 г. бежал в Севастополь. Служил в армии Врангеля. В 1921 г. расстрелян красными.

Старший сын П.Н. Обнинского – Виктор Петрович Обнинский (1867–1916) известный общественный и политический деятель, член I Государственной думы, публицист. Родился в с. Белкино. Получил военное образование. Прослужив 5 лет, по состоянию здоровья ушёл в отставку в звании поручика. Работал в частных компа-

ниях. В 1901 г. приехал в Белкино к отцу Петру Наркизовичу, а вскоре поселился во вновь отстроенном имении Турлики (ныне территория г. Обнинска). В январе 1902 г. В.П. Обнинского избрали гласным Боровского уезда и губернским гласным.

За работу он взялся со всей пылкостью своего сердца. Работал в различных комиссиях, в том числе медицинской и просветительной. С 1903 по 1905 гг. Виктор Петрович состоял членом Калужского епархиального училищного совета (Боровское отделение), с 1904 г. – председатель этого совета. Весной 1903 г. в Малоярославецком уезде освободилось место предводителя дворянства. Поскольку земли Обнинского имелись и в этом уезде, то его избрали на эту должность (в 1905 г. повторно). В сентябре 1903 г. В.П. Обнинского избрали почётным мировым судьёй Малоярославецкого, а затем и Боровского уездов. В декабре 1904 г. очередным Калужским губернским земским собранием он избран на должность председателя Калужской губернской земской управы (1905–1908). Убежденный земец, Обнинский был сторонником развития самоуправления, народного образования, медицины, агрономии и др.

В.П. Обнинский являлся одним из организаторов Калужского отделения конституционно-демократической партии, от которой был избран в I Государственную думу. Работая в думе, он входил во фракцию «автономистов», выступавших за централизацию на началах автономии отдельных народов и областей, а также в аграрную комиссию. На одном из заседаний выступил с речью «Вся земля для трудящихся». 6 июня 1906 г. проект был передан для составления земельного закона на началах принудительного отчуждения помещичьих земель. В ответ на это правительство распустило думу. 8 июня думцы собрались в Выборге для выработки требований. Обнинский принял участие в подписании Выборгского воззва-

ния, за что был приговорён к трёхмесячному тюремному заключению (1 июня–1 сентября 1908 г.). В тюрьме он написал книгу «Последний самодержец. 90 дней в одиночном заключении. Тюремные заметки». (М., 1917). Написана она в форме дневника и личных воспоминаний. На основе газетных вырезок и документов написал книгу «Полгода русской революции. Сборник материалов по истории» (М., 1906), «Летопись русской революции» (М., 1907), монографию «Новый строй» (М., 1901, 2-е изд. 1911) и др.

Наибольшую известность получила книга В.П. Обнинского «Последний самодержец. Очерк жизни и царствования императора России Николая II» (Берлин, 1912).

В 1909 г. поселившись в Москве, В.П. Обнинский принимал деятельное участие в работе общественных и просветительных организаций. С конца 1909 г. он опять возвращается к национальному вопросу. Убеждённый сторонник идеи автономии малых народов и национального равноправия, Виктор Петрович проводил совещания, совершал ряд поездок в Киев, Варшаву, Прибалтику для налаживания контактов с автономистами. Принимал деятельное участие в Московском обществе «Единение народностей России», сотрудничал в редакции журнала «Национальные проблемы», издавал журнал «Народы и области», являясь его редактором.

Во время I мировой войны ездил на фронт от Всероссийского Земского союза в качестве корреспондента газеты «Русские ведомости». Его перу принадлежит ряд военных очерков и репортажей с театра военных действий, печатает он статьи по национальному вопросу.

В 1915 г., вернувшись с фронта, он продолжал работать при Главном комитете Всероссийского Земского союза, заведующим отделом помощи военнопленным. Написал книгу «В плену. О помощи находящимся в плену русским солдатам» (М., 1916).

В 1915 г. на съезде конституционно-демократической партии был избран в ЦК. Занимал довольно видную роль в масонских организациях.

Состоял сотрудником журналов «Вестник Европы», «Голос минувшего», «Русское слово», «Русские ведомости», печатался в газете «Биржевые ведомости», «Утро России» и др. Был сотрудником редакции товарищества «Бр. А. и И. Гранат и К^о». Являлся учредителем «Книгоиздательства и книжного склада В.П. Обнинский». Покончил с собой, застрелившись в помещении книгоиздательства.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Русский архив. 1891. Кн.4. С.к329–412.
2. Русская мысль. 1896. Кн.4, 5.
3. Русская мысль. 1897. Кн.4.

ИСТОЧНИКИ. ЛИТЕРАТУРА

1. Российский государственный исторический архив. Ф.1343. Оп.26. Д.2874.
2. Государственный архив Калужской области. Ф.62. Оп.1. Д.3529. Формулярный список о службе Боровского уездного предводителя дворянства Н.А. Обнинского.
3. Там же. Ф.58. Оп.3. Д.74. Формулярный список о службе В.П.Обнинского.
4. Там же. Ф.67. Оп.1. Д.139.
5. Там же. Ф.62. Оп.3. Д.131.
6. Там же. Оп.1. Д.3529. Формулярный список о службе П.Н. Обнинского.
7. Обнинские // Бульчов Н. Калужская губерния: Список дворян, внесённых в дворянскую родословную книгу по 1 октября 1908 г. Калуга, 1908.
8. Обнинский Н.А. Походные заметки // Русский архив. 1891. Кн. 2.
9. Обнинский В.П. Автобиография // Земляки. Вып.1. Калуга, 1863.

10. Энциклопедический словарь. Репринтное издание Брокгауза и Ефрона. 1890. Т.42. С.535.
11. П.Н. Обнинский // Семья. 1894. №12.
12. Ефремов С. Против течения // Голос минувшего. 1916. №5, 6.
13. Волк С. Несколько штрихов к неоконченному портрету В.П. Обнинского // Последний самодержец. М., 1992.
14. Обнинский В.П. Последний самодержец: 90 дней одиночного тюремного заключения. М., 1917.
15. Государственная Дума I созыва: Портреты. Краткие характеристики депутатов. М., 1906.
16. Шаховский Д.И. В.П. Обнинский // К 10-летию первой Государственной Думы. Пг., 1916.

От редакции: Факт захоронения Н.А. Обнинского в Пафнутьев-Боровском монастыре не подтверждается документально. В метрической книге Борисоглебской церкви с. Белкина Боровского уезда за 1863 г., направленной приходским священником в Малоярославецкое духовное правление, имеется актовая запись №21 о смерти 17 декабря 1863 г. села Белкина отставного полковника Наркиза Антонова Обнинского, 59 лет. В графе «От чего умер» значится: «католического вероисповедания». Похоронен 20 декабря, место погребения не указано. (Государственный архив Калужской области (ГАКО). Ф.273. Оп.1. Д.232. Тетр.30. Л.32об.)

В приходском экземпляре метрической книги Борисоглебской церкви за 1863 г. актовая запись №21 более полная. Согласно ей, села Белкина отставной полковник Наркисс (так в документе) Антонов Обнинский, 59 лет, умер 17 декабря 1863 г. В графе «От чего умер» записано: «католического вероисповедания». Похоронен 20 декабря священником Василием Дмитриевым с дьячком Лаврентием Антоновым и с пономарём Иваном Николаевым. Место погребения не указано; Василий Дмитриев – приходский священник Борисоглебской церкви. Аналогично выглядят все актовые записи о смерти. (ГАКО. Ф.33. Оп.5. Д.11. Л.151об.–152).

Изучением государственной и общественной (прежде всего земской) деятельности Обнинских, особенно В.П. Обнинского, серьёзно занимается Т.А. Свиридова (см., напр.: Свиридова Т.А. Калужское земство. 1865–1918: Очерки истории. Калуга, 1996). Книга Т.А. Свиридовой о калужском земстве использована автором настоящей работы.

И.Л. ЕФИМОВА

**К ВОПРОСУ О СТАНОВЛЕНИИ
ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ С.Т. ШАЦКОГО**

Станислав Теофилович Шацкий – известный русский педагог, сформировавший в начале XX в. педагогическую систему обучения и воспитания детей. В 1911 г. на территории нынешнего г. Обнинска он организовал летнюю трудовую колонию «Бодрая жизнь», ставшую научно-педагогическим и общественно-политическим центром окрестных сёл и деревень.

Начало формирования педагогической концепции С.Т. Шацкого относится к периоду его обучения в Московском университете и сельскохозяйственном институте (1896–1905). С большим интересом студент Шацкий изучал педагогические сочинения Л.Н. Толстого. Высказывания Л.Н. Толстого по вопросам воспитания о важности сплочения учащихся и учащихся в единое дружное сообщество, о развитии творческого воображения детей и об их художественном воспитании представлялись Шацкому необыкновенно важными и интересными (1). Особенно он проникся идеей Л.Н. Толстого о воспитании детей из рабочих и крестьянских семей.

Большое влияние на формирование педагогической системы Шацкого оказали принципы физиолога и педагога П.Ф. Лесгафта, считавшего необходимым для воспитателя знание анатомо-физиологических особенностей детей, их психики, умения развивать способности ребёнка в процессе игр, труда, физических упражнений. Идея Станислава Теофиловича о важности трудового компонента в воспитании берёт начало именно в трудах П.Ф. Лесгафта.

Привлекал Шацкого и метод подачи материала профессора Тимирязева, чьи блестящие лекции на естественном факультете Московского университета собирали ог-

ромные аудитории. Станислав Теофилович всё яснее осознавал, что более всего его увлекает возможность наиболее доступно передавать знания другим, его охватывает «жажда настоящего дела». Шацкий оставил с/х институт, консерваторию (в Московской консерватории он учился с 1898 г., имел прекрасный голос) и всецело занялся педагогикой.

В 1905 г. Станислав Теофилович познакомился с архитектором А.У. Зеленко, только что вернувшимся из Америки и полным просветительских идей. Молодые энтузиасты собрали группу детей из бедных рабочих семей Бутырско-Марьинского района Москвы и вывезли их в летнюю трудовую колонию под Щёлково. Первый педагогический опыт был описан Шацким в книге «Дети – работники будущего». В Щёлковской колонии была сделана попытка провести в жизнь идею трудового воспитания и самоуправления.

Работу с детьми продолжали в Москве. 6 ноября 1906 г. С.Т. Шацкий, А.У. Зеленко, Л.К. Шлегер и примкнувшие к ним Е.Я. Казимилова (впоследствии Фортунатова), Л.Д. Азаревич, братья А.А. и К.А. Фортунатовы, В.Н. Демьянова (впоследствии Шацкая) основали общество «Сетлемент» (по типу американских «Сетлементов» – посёлков культурных людей среди бедного населения). При «Сетлементе» работали детский сад, столярные, резчицкие курсы, швейная мастерская, группы любителей земледелия, фотографов, астрономов. В 1907 г. организовали хор, театральный кружок. Одна из сотрудниц писала: «Много добра общество „Сетлементов“ сделало для детей улицы, многим из которых негде было даже учить школьные уроки, живя где-нибудь в сыром тёмном подвале и придя домой после школы, они ни за что ни про что подвергались побоям пьяного отца и брани расстроенной матери, схватив кусок хлеба, они бежали в „Сетлемент“ и там только находили покой своей измученной дома душе» (2).

Период с 1905 по 1908 гг. Шацкий охарактеризовал как период исканий общественных форм через детские собрания, парламентаризм, клубы по интересам, самоуправление. В 1908 г. по распоряжению Московского градоначальства общество «Сетлемент» закрыли, усмотрев в демократической организации клубов революционное начало. «Хотя мы и старались держаться в стороне от партийных организаций, — писал Шацкий, — тем не менее все правые партийные группы являлись для нас крайне ненавистными, и за период с 1905 по 1917 г. мы, сами того не замечая, всё больше и больше левели» (3).

В 1909 г. работу с детьми удалось возобновить в рамках общества «Детский труд и отдых». Посещая в 1910 г. скандинавские страны, Станислав Теофилович изучал формы трудового воспитания. Важной и необходимой формой трудового воспитания помимо городских детских организаций, по мнению Шацкого, должна стать летняя трудовая колония. Именно в её условиях детям можно применить на практике свои знания, «пожить настоящей взрослой жизнью».

Детская трудовая колония была организована В.Н. и С.Т. Шацкими в 1911 г. на земле, выделенной богатой помещицей-меценаткой М.К. Морозовой (её имение Михайловское находилось недалеко от места организации колонии. Ныне — это особняк в Нижнем парке г. Обнинска). На средства Маргариты Кирилловны построили первый дом, закупили оборудование. В конце мая 1911 г. приехала первая группа детей. Колонию назвали «Бодрая жизнь».

В «Бодрой жизни» на практике проверялась мысль Шацкого о взаимосвязи труда и знаний, была поставлена задача установить влияние организации физического труда на жизнь детского коллектива.

О жизни в колонии С.Т. и В.Н. Шацкие подробно рассказали в книге «Бодрая жизнь», изданной в 1914 г.

В результате работы было налажено хозяйство, организован труд. «Инстинктивное требование красоты привело к появлению элементов искусства, колония запела, заплясала, заиграла» (4).

Дети жили не изолированно, а во взаимосвязи с окружающей средой, поэтому, думал Шацкий, необходимо улучшать не только жизнь детей, но и окружающую их действительность. Педагог приходил к мысли о создании системы учебно-воспитательных и культурно-просветительных учреждений в виде опытных станций.

В 1912 г. Станислав Теофилович выдвинул первый проект опытной станции, отчасти осуществившийся в Москве. Он включил разные виды работ с детьми: детский сад, школа, клубы, мастерские, библиотеки. В 1915 г. этот проект был повторён. Московская городская дума выделила средства. В проект вошли постоянно работающие педагогические курсы.

«Курсы – трудовая школа для взрослых», – не раз говорил Шацкий. В этом же году С.Т. Шацкий и Л.К. Шлегер организовали курсы по дошкольному воспитанию при университете Шанявского. В результате приобрели большое количество единомышленников, многие из которых перешли работать в структуры общества «Детский труд и отдых». Среди них А.В. Левина-Богачёва, которая, закончив университет Шанявского, в 1920–1941 гг. работала в школе-колонии «Бодрая жизнь».

В 1916 г. Станислав Теофилович предложил 2 проекта опытных станций. Первый предусматривал организацию детских учреждений в Суцевском районе г. Москвы. Со вторым проектом «Белкинского межурездного опытного участка» Шацкий обратился в Калужское губернское земство.

«Белкинский межурездный опытный участок повышенного земского хозяйства», по мнению Калужской губернской управы, должен был включать населённые пунк-

ты, лежащие на границе Боровского и Малоярославецкого уездов. Предполагалось в с. Белкино открыть детский сад, школу крестьянского хозяйства, библиотеку и «первые 3–4 года в этой школе могут заменить существующую церковноприходскую школу» (5). При колонии «Бодрая жизнь» планировалось организовать педагогические курсы.

В калужском проекте впервые на первый план выдвинулось школьное дело, агрономия, ветеринария и медицина. В с. Белкино должны были открыться межуездный врачебный участок, ветеринарная амбулатория, музей ветеринарии.

Однако осуществить подобный проект в полной мере было невозможно из-за недостатка денежных средств. Дело ограничилось открытием отдельных учебных и культурно-просветительных учреждений. В с. Белкино работали культпросветкружок, народный дом, открылись библиотеки в с. Белкино, д. Белоусово, Трясь, Величково, Передоль. В 1916–1917 гг. член общества «Детский труд и отдых» Е.Я. Фортунатова организовала в д. Самсоново и в с. Белкино детский сад, «школу для безграмотных» (6). Все эти проекты оформились в виде I Опытной станции НКП в мае 1919 г. Возглавил это уникальное опытно-педагогическое учреждение С.Т. Шацкий. Однако и в последующие годы строительства советской школы педагог находился в постоянном творческом поиске, и это был уже качественно новый этап его деятельности.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Бершадская Д.С. Педагогические взгляды и деятельность С.Т. Шацкого. М., 1960. С.31.
2. Архив Российской академии образования (АРАО). Ф.1. Оп.1. Д.60.
3. Шацкий С.Т. Педагогические сочинения. Т.1. С.64.
4. Там же. С.449.
5. Государственный архив Калужской области. Ф.58. Оп.1. Д.794.
6. АРАО. Ф.1. Оп.1. Д.126.

И.Л. ЕФИМОВА

ИСТОРИЯ СЁЛ И ДЕРЕВЕНЬ В ОКРЕСТНОСТЯХ Г. ОБНИНСКА 1920–1930-Е ГОДЫ

Обращение к данной теме вызвано тем, что в фондах музея г. Обнинска в результате экспедиций по окрестным сёлам сформировалась коллекция из отдельных документов, фотографий, воспоминаний о жизни крестьян с. Белкино, д. Самсоново, Кабицино, Доброе, Кривское, Кривошеино, Пяткино и др. Систематизация данного материала, дополненного новыми архивными сведениями, помогла воссоздать картину истории нашего края в 1920–1930-е годы.

Так как г. Обнинск расположен на стыке трёх районов, то речь пойдёт о сёлах и деревнях Боровского, Малоярославецкого и Жуковского районов, находящихся в окрестностях современного Обнинска и частично вошедших в черту города.

Никто не претерпел столько горестей и бед от различных исторических эпох, как крестьянин, живущий на земле. Всегда в заботах и труде, он стойко выносил тяготы экономической перестройки. 1917 г. — год новых потрясений для России, смена власти, общественно-экономической формации. 3 декабря 1917 г. советская власть провозглашена в Малоярославецком уезде, 16 декабря — в Боровском уезде. Волостные земства, тормозившие революционные преобразования, ликвидированы. Вместо них сформированы волостные советы, в том числе в Кривской волости, включавшей с. Белкино, д. Самсоново, Кривское, Кабицино и д. Пяткино, Потресово Спасской волости.

Один из первых декретов советской власти устанавливал государственную собственность на землю и предоставлял её в распоряжение волостных земельных комите-

тов и уездных советов крестьянских депутатов. Боровский земельный комитет, организованный в январе 1918 г., занимался конфискацией имений, сельскохозяйственного инвентаря, решал вопрос о передаче земель крестьянам.

Всего в Боровском уезде было конфисковано 74 имения, а помещики Обнинские – из Кривской волости, Меренков и Глухарёв – из Красносельской волости, Чебышёвы – из Спас-Прогнанской волости выселены (1). Помещику Борису Петровичу Обнинскому из с. Белкино удалось избежать ареста: накануне его предупредил местный житель Степан Демидович Сучков, и Борис Петрович с сыном Глебом бежали из имения. Из данного факта следует, что местные крестьяне хорошо относились к помещикам Обнинским и особого расположения к новой власти не испытывали, вяло реагируя на события, происходившие в стране. Об этом сообщал на I Калужском губернском съезде РКП(б) в октябре 1918 г. представитель от Малоярославецкой партийной организации: «Очень трудно работать вследствие темноты среди населения: попы, спекулянты, кулаки ведут усиленную агитацию против советской власти» (2). В результате на выборах в сельские советы прошли зажиточные крестьяне, эсеры, решившие вопросы передела собственности в свою пользу.

Как и во всей стране, в Боровском и Малоярославецком уездах не хватало продовольствия. Накануне революции, в декабре 1916 г., уже было предписание калужского губернатора о порядке выдачи населению Малоярославецкого уезда карточек на сахар и другие продукты (3). К 1918 г. в губернии имелось всего 20% хлеба. Для решения конфликтных вопросов, изъятия излишков хлеба, в июле 1918 г. в Боровском уезде организовали комитеты бедноты. Перед комбедами поставили и политическую задачу – провести перевыборы в сель-

советы и очистить их от контрреволюционных элементов и кулачества.

Уже зимой 1918 г. Боровская уездная конференция РКП(б) упразднила комбеды, так как «они выполнили задачу по учёту и реквизиции хлеба у местных богатеев» (4). В населённых пунктах уездов прошли перевыборы, сельсоветы стали народными, демократическими органами.

В конце 1918–начале 1919 гг. в Кривской волости началось формирование первичных партийных организаций. Осенью 1919 г. члены Боровского РКП(б) рассматривали данный вопрос и постановили: «Товарищу Уточкину Г.В. (уроженцу с. Белкино) созвать всех коммунистов Кривской волости и создать из них ядро коммунистической ячейки» (5). Вскоре были организованы партячейки в д. Доброе (6 человек), Кривское (11 человек), Балабаново (15 человек).

В первый год власти советское правительство издало ряд документов, дабы изменить сельскохозяйственный уклад жизни крестьян. 2 ноября 1918 г. вышел «Декрет об образовании специального фонда на мероприятия по развитию сельского хозяйства», 21 июля 1918 г. принят «Примерный устав трудовой земледельческой коммуны», в декабре 1918 г. в Боровском уезде организовали «Бюро коммун», возглавляемое т. Матвейчевым.

Главная цель всех этих мероприятий – создание коммун, сельскохозяйственных и промысловых артелей. Однако коммуны недолго просуществовали на небосклоне экономического развития края (в Боровском уезде в 1918 г. существовала только одна коммуна «Грядущая сила» в д. Купчино Никольской волости) (6). Господствующий здесь принцип: «От каждого по способностям, каждому по потребностям» не устраивал крестьян, лишая их материальной заинтересованности. Гораздо большей популярностью пользовались артели, где платили по труду, а не по потребностям.

В нашем крае в 1918–1920 гг. существовали частные и государственные предприятия, в основе работы которых лежало ткачество и бумагопрядение.

В начале 1920 г. в д. Самсоново организовали кустарно-промысловую текстильную артель на базе ткацких фабрик местных богатеев Безяевых и Петровых (7). Это были лишь первые шаги советской власти в области перестройки крестьянского хозяйства. Созданная в этот период артель не составила сколько-нибудь заметной конкуренции частным предприятиям.

Несмотря на некоторые политические и социально-экономические улучшения в жизни крестьян, положение в сельском хозяйстве в 1918–1919 гг. было крайне тяжёлым: постоянные реквизиции хлеба, многочисленные налоги, гужевые, военные, топливные повинности выполнялись за счёт крестьян.

Гражданская война принесла дальнейшее обнищание населению. Особенно процветало мешочничество, то есть индивидуальный способ добычи хлеба. 40% населения Калужской губернии добывали хлеб собственными силами. Жительница д. Кабицино П.В. Сучкова, ей тогда было 7 лет, вспоминала: «Революция. Засуха. Грязь. Чесотка. Нет хлеба, соли, спичек. Вода в колодце пересохла. Мать оставляла нас, детей, одних, ездила на Украину за хлебом. Нам удавалось поесть в школе овсяного киселя без сахара, и это казалось роскошью, и до осени жили на „подножном корму“: травы, грибы, орехи» (8).

Даже в д. Самсоново, считавшейся одной из наиболее зажиточных в округе, голодали 3 семейства. Ткацкий промысел, дававший крестьянам дополнительный заработок, не приносил дохода, так как всё «съедали» налоги, материал стоил дорого, а продукцию ткачей никто не покупал. Мужчины искали заработка: возили и грузили дрова на железной дороге, плотничали.

X съезд партии, прошедший в марте 1921 г., про-

возгласил новую экономическую политику – нэп – и дал крестьянам значительные послабления. Ввели единый налог, разрешили свободный обмен, покупку и продажу продукции. Тем самым дали простор частному предпринимательству. В нашем крае наблюдался подъём экономики и сельского хозяйства: увеличилось количество посевных площадей, росло поголовье скота. В 1924 г. расширил производство Балабановский кирпичный завод, готовился пуск Ермолинской ткацкой фабрики, заработали электростанции в школе-колонии «Бодрая жизнь» (располагалась на территории г. Обнинска в 1911–1941 гг.) и с. Угодский Завод. Последнее событие нашло своё отражение в песенном фольклоре тех лет. Комсомольцы Угодки пели частушки:

Как на Угодском заводе
Керосин теперь не в моде,
Мужик ум свой поднапрёг,
Электричество зажёл.

О занятиях крестьян д. Пяткино в начале 1920-х годов написала в сочинении Нюра Поповникова: «Пяткинские крестьяне почти все зимой занимались ткачеством. Из 44 домов только 8 не имели станков... Ткут разноцветные ... и шотландку. Потом везут в Москву продавать. На вырученные деньги покупают бумагу (бумажные нити) для работы на станке, а на остальные деньги – хозяйственные вещи, а детям гостинцы, баранки, плюшки» (9).

Процветало частное предпринимательство. В д. Самоново продолжали работать ткацкие фабрички крестьян Безяевых и Петровых. В 1920 г. хозяйство главы семейства Михаила Петрова разделили между тремя его сыновьями: Василием, Иваном и Борисом. Братья владели ткацким производством и вплоть до 1929 г. применяли наёмный труд. У них была красильня, чесальня, прессовая, правда, количество рабочих снизилось со 100 до 15 человек.

В декабре 1919 г. произошёл раздел собственности между отцом и сыном Григорием Фёдоровичем и Иваном Григорьевичем Безяевыми. Иван Григорьевич до 1928 г. имел пресовое производство и получил право «содержать и производить торговлю из своего дома, мастерской, с рук, лотков, с земли и возов, на ярмарках, рынках и других местах» (10). Около 1928 г. начались гонения на частное предпринимательство. Фабрики Безяевых и Петровых закрыли.

Наряду с частными предприятиями в окрестных сёлах действуют государственные: в с. Белкино кустарно-промысловая артель ткачей, в 1926 г. 40 жителей д. Самсоново вновь объединились в ткацкую артель «Красное знамя».

Организовали сельскохозяйственное общество в д. Самсоново, возобновило работу Белкинское с/х объединение, в первом председателем выбрали Т. Степанова, во втором – Н. Рожкова. На собраниях крестьяне решали хозяйственные вопросы. Так, 5 января 1926 г. белкинские жители говорили о необходимости устройства перевоза или временного моста через р. Протву, просили представителя из Боровска о снижении ж/д тарифов, поскольку нужно было сбывать продукцию с/хозяйства и ткачества, сетовали, что слишком высоки цены на с/х машины (11). Наболевшей проблемой была нехватка квалифицированных агрономов и ветеринаров. И здесь неоценимую помощь оказывали сотрудники и воспитанники школы-колонии «Бодрая жизнь» и учащиеся сельских школ I ступени.

Их работа охватывала 4 сельсовета: Белкинский, Кабицинский, Белоусовский и Потресовский. Ребята пропагандировали новые виды удобрений, наилучшие сорта злаковых, картофеля, агитировали за новые системы ведения полевого и животноводческого хозяйства (12).

Несмотря на активную работу педагогов и учащихся-

ся школы-колонии «Бодрая жизнь», экономический кризис, назревавший в стране во второй половине 1920-х годов, сказался на жизни местного населения. Общинный уклад жизни крестьян тормозил экономическое развитие края. Частые переделы земли по едокам не способствовали хорошей обработке почвы, а наоборот, заставляли хозяина «выжать все соки» из своей полоски. К недостаткам общинного ведения хозяйства относились: чересполосица, дробление земли на более мелкие участки, удалённость пахотных земель от крестьянских хозяйств, поэтому возникали затруднения с обработкой. Малочисленность скота приводила к плохому удобрению почвы (13).

Нэп привёл к расслоению крестьянства. Часть из них богатела, другие отказывались от земли, уходили на фабрику в «чистые пролетарии». М.Н. Скаткин, учитель школы д. Самсоново, отмечал разделение жителей на кулаков, владельцев ткацких предприятий и малоземельных, безлошадных крестьян, находящихся в тисках у богатеев (14).

В конце 1920-х годов в нашем крае повсеместно наблюдалось обострение классово-борьбы. В Угодском Заводе зверски убили библиотекаря, чуть не убили сотрудника I Опытной станции П.В. Кованова, подожгли дом Шацких – сгорели рукописи, имущество (15).

Заниженные закупочные цены на сельскохозяйственную продукцию и завышенные государственные налоги вызывали недовольство крестьян, накаляли обстановку в экономической и социально-политической жизни страны. XV съезд ВКП(б), прошедший в 1927 г., провозгласил политику коллективизации крестьянских хозяйств.

В 1928–1929 гг. в д. Доброе В.Н. Шацкая и Н.П. Кузин (педагоги школы-колонии «Бодрая жизнь») организовали колхоз-коммуну им. К. Маркса, открыли школу, детский сад.

В январе 1930 г. в д. Кабицино приехал из Боров-

ска коммунист Лутков агитировать за вступление в колхоз. П.В. Сучкова вспоминала: «На собрание пришли все. Никто не выступал, все молчали. Со скрипом, но многие вступили в колхоз – назвали „Верный путь“. Стали коллективизировать лошадей. У хозяек слёзы... Наступила весна, а лошадей кормить нечем, у колхозников из личных хозяйств выгребли сено, овёс... Мать с соседкой Пелагеей засеяли поле вручную, сеялок не было» (16). Колхоз укрепился к 1939 г. Председатель Е.Т. Фомичёва сумела наладить дисциплину, улучшить качество работы. В Кабицино построили конюшню, ферму, открыли школу, детский сад, работал продовольственный магазин.

В начале 1930 г. жители д. Передоль и Кривошеино объединились в один колхоз, купили трактор, расширили молочное хозяйство. Членом колхоза стал даже священник А. Соколов, отдавший в общее пользование молотилку и другую сельскохозяйственную технику (17).

Местные органы власти с большим рвением выполняли решение ЦК ВКП(б) об ускорении темпов коллективизации, часто используя насильственные методы. В результате количество колхозов увеличилось: в Боровском районе с 4 в декабре 1929 г. до 50 – в марте 1930 г., в Малоярославецком районе – с 1 до 86 (18).

В апреле 1930 г. в с. Белкино организовали промколхоз «Большевик», состоящий из с/х и ткацкого отделений. Вступили 32 человека, в основном середняки, в общее пользование сдали 6 лошадей, 2 жеребят, 1 корову, 1 быка, 6 телят, 15 поросят (19). Председателем выбрали П.В. Кованова. Одновременно с организацией колхоза шло раскулачивание. Из членов зажиточных семей Кутыриных, Рожковых, Синюхиных пострадал Коляскин З.Е. – владелец небольшой фабрички и торговой лавки. В первые годы колхозники жили бедно. В Музее истории г. Обнинска хранится справка за подписью П.В. Кованова с просьбой: «Отпустить на 4 грудных детей (колхоз-

ниц) манной крупы. Так как отсутствие таковой затрудняет возможность участия работниц в колхозе» (20).

Колхозники платили многочисленные налоги, о чём свидетельствуют квитанции, хранящиеся в Обнинском музее: налоги от доходов с земли, строений, скота, продуктов огородничества, садоводства, сенокоса, мелкого скота, неземледельческих заработков (21).

В результате подобного налогообложения крестьянам немного оставалось на жизнь. Тяжёлый крестьянский труд не имел достойного вознаграждения. Работая по 10 часов в сутки, белкинская колхозница В. Коняхина получала в день 1 руб. 20 коп. (22).

Что и когда сеять, диктовали уполномоченные из Боровска, называемые «погонялами».

Через год после организации колхоза в Белкино оборудовали скотный двор, свинарник, купили 6 коров, 15 поросят, выстроили баню, открыли ясли, привели в порядок господский сад.

В 1934 г., когда председательствовал Н. Петров, колхозное хозяйство особенно расширилось. По воспоминаниям В.К. Розановой, в этот же год в Белкино из Брянской области приехали около 10 семей (Линьковы, Силины, Гришины, Анохины, Зевакины) и составили актив колхоза (23).

Помимо работы в колхозе жители работали на ткацкой фабрике. Вероятно, в 1936 г. произошло отделение промколхоза от ткацкой артели, которая перешла в подчинение Калужскому облпромсоюзу. Это подтверждается документами, хранящимися в музее – справкой Н.Ф. Голдина, где говорится, что Никита Фёдорович вместе с семьёй состоял членом промколхоза с 1931 по 1936 гг. и выбыл при выделении сельхозсекции в самостоятельную артель. До 1941 г. Н.Ф. Голдин работал в белкинской ткацкой артели плановиком.

Одним из самых богатых в округе считался колхоз

им. К. Ворошилова в д. Самсоново, входивший в Белкинский сельсовет. В апреле 1930 г. из 180 жителей 35 вступили в колхоз. Председателем выбрали Н.В. Рябинкина, затем до войны колхоз благополучно возглавлял А.И. Петрухин.

В Самсоново подвергли раскулачиванию, лишили избирательных прав сыновей Михаила Петровича Петрова Василия, Ивана и Бориса.

Иван Михайлович пытался «добиться правды», обращался в Московскую областную комиссию по рассмотрению жалоб лиц, лишённых избирательных прав. Но, несмотря на то, что Петровы не оказывали сопротивление советской власти, на их средства открыли в Самсоново ткацкую фабрику, в избирательных правах братьям Петровым отказали. Василий и Борис уехали из деревни. Ивана в марте 1931 г. осудили на 5 лет. В родную деревню он вернулся уже в преклонном возрасте.

Самсоновский колхоз специализировался на молочном хозяйстве. В конце 1930-х годов на ферме содержалось 100 коров. Доярки, обслуживая по 15-18 животных, надаивали 15-20 литров молока от коровы. А.И. Смолина, М.М. Терентьева, В.Г. Кабанова добились немалых успехов. А.И. Смолина ездила на ВДНХ и была отмечена грамотой и значком. Лучших доярок премировали поездкой в Москву – посмотреть только что открывшийся метрополитен (24).

Самсоновское и Белкинское молочные хозяйства были связаны между собой. Из Белкинского сливпункта молоко перевозили на Самсоновский молочный завод, оттуда во флягах везли на ж/д станцию Обнинское и далее – в Москву.

Крестьяне работали в колхозе, подрабатывали в ткацких артелях, вели домашнее хозяйство, платили исправно налоги государству. В 1936 г. многие из жителей окрестных сёл работали на строительстве здания лесной

оздоровительной школы (ныне – главный корпус Физико-энергетического института в г. Обнинске). Люди строили планы, мечтали о будущем, но война круто изменила их начинавшую налаживаться жизнь.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Государственный архив документов новейшей истории Калужской области (ГАДНИКО). Ф.П-1211. Оп.1. Д.3. Л.13.
2. Там же. Ф.П-1. Оп.1. Д.5. Л.10–12.
3. Государственный архив Калужской области (ГАКО). Ф.825. Оп.5. Д.608.
4. ГАДНИКО. Ф.П-1211. Оп.1. Д.3. Л.3.
5. Там же. Д.2. Л.9.
6. Там же. Д.3. Л.13.
7. ГАКО. Ф.Р-3299. Оп.1. Д.3. Л.54.
8. Музей истории города Обнинска (МИГО). КП-1051/1.
9. Архив Российской академии образования. Ф.1. Оп.1. Д.242. Л.71.
10. ГАКО. Ф.Р-2151. Оп.3. Д.1. Л.5.
11. ГАДНИКО. Ф.П-1210. Оп.1. Д.8. Л.33.
12. Ефимова И.Л. Школа-коллония «Бодрая жизнь» – общественно-политический центр работы с окрестными сёлами // Боровский краевед. Вып.7. Боровск, 1997. С.170–171.
13. ГАКО. Ф.Р-38. Оп.1. Д.8. Л.20.
14. Скаткин М.Н. О работе по труду в деревенской начальной школе // Из практики деревенской школы. М., 1924. №1.
15. Малинин Г.Ф., Фрадкин Ф.А. Воспитательная система С.Т. Шацкого. М., 1993. С.144.
16. МИГО. КП-2373.
17. Там же. Воспоминания Н.И. Широкова. 2003 г.
18. ГАКО. Ф.Р-488. Оп.1. Д.35. Л.116; Ф.Р-484. Оп.1. Д.35. Л.100.
19. МИГО. КП-815.
20. Там же. КП-814/14.
21. Там же. КП-891/13.
22. Там же. КП-814/20.
23. Там же. Воспоминания В.К. Розановой. 2002 г.
24. Там же. Воспоминания Т.Н. и Е.Н. Смолиных. 2001 г.

Н.В. ЗИНОВКИНА

**ЕЩЁ РАЗ О ГОСУДАРСТВЕННОМ АРХИВЕ
КАЛУЖСКОЙ ОБЛАСТИ И
НЕДОБРОСОВЕСТНЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЯХ**

Если ж кто вспомнит тебе граждански уставы,
Иль естественный закон, иль народны правы –
Плюнь ему в рожу, скажи, что врёт околёсну...
А.Д. Кантемир

Козьма Прутков блестяще сформулировал очень разумный жизненный принцип: «Если на клетке слона прочтёшь надпись буйвол, не верь глазам своим!» Плохо, что это правило годится только тогда, когда хотя бы примерно представляешь себе и слона, и буйвола. Если ни о том, ни о другом понятия не имеешь, то обязательно поверишь, что слон – это буйвол, если так написано на клетке. Именно такая ситуация сложилась и продолжает развиваться в калужском краеведении. Обилие краеведческих книг не гарантирует их соответствие исторической истине, но широкие массы читателей (если, конечно, краеведческая литература имеет широкую читательскую аудиторию), до недавнего времени не избалованные краеведческими книгами, вынуждены верить новым авторам на слово. Хочется надеяться, что по мере накопления краеведческих знаний откровенно слабых книг будет меньше, но пока это не так. Нам неоднократно уже приходилось писать об этом не для того, чтобы воздействовать на недобросовестных писателей (это, по всей видимости, бесполезно), а чтобы напомнить читателям ещё один призыв Козьмы Пруткова: «Бди!»

Сегодня мы будем говорить не об ошибках в краеведческих изданиях, а о прямых нарушениях закона, которые позволяют себе исследователи. Главные действующие

лица: Государственный архив Калужской области (ГАКО) и Управление Судебного департамента Калужской области.

В 2002 г. в ГАКО начались массовые обращения районных судов области с просьбой составить исторические справки о районных судах. Следует отметить, что справки по истории учреждений в ГАКО платные. Но запросы судов исполняются бесплатно, при этом имеется в виду, что запросы касаются непосредственной деятельности судов. Понятно, что составление исторических справок к судебной деятельности не относится. В многочисленных телефонных разговорах с работниками судов выяснилось, что документы районных судов готовятся к передаче в районные архивы, а архив, естественно, не принимает документы без исторической справки. И сотрудники ГАКО, зная, как важно сохранить документы, пошли судам навстречу и составили справки бесплатно. В том числе и для Боровского районного суда – №357-т от 19.03.2003. Сразу скажем, что судьба документов судов нам неизвестна.

В 2004 г. вышла книга «Судебная власть Калужской области: история и современность». Один из авторов книги – С.С. Солдатов – на самом деле долго работал в читальном зале ГАКО, так что не удивительно, когда журналисты восхищаются: «По интенсивности накопления фактов издание смело можно приравнять к исследовательской работе, к диссертации. Солдатов работал в архивах и библиотеках три года!» (1). Удивительно другое: познакомившись с книгой, мы неожиданно обнаружили, что 8 наших справок так или иначе вошли в состав очерков о районных судах и только в одном очерке (о Козельском районном суде) имеется ссылка на сведения ГАКО (2). В таком контексте утверждение журналиста, что «Солдатов – составитель собранных материалов, все статьи по истории судов написаны лично им» (3), выглядит, мягко говоря, не совсем точ-

ным. Хотелось бы, чтобы читатель «Земли боровской» смог лично убедиться, насколько самостоятельно написан С.С. Солдатовым очерк о Боровском районном суде, но мы не имеем разрешения авторов-составителей книги на копирование какой-либо её части. Справку, составленную в ГАКО, мы прилагаем, а очерк поместим в цитатах и статистике.

Первый абзац очерка выглядит следующим образом: «Старые судебные учреждения были упразднены Декретом о суде №1 от 23 ноября (6 декабря) 1917 года. В отчете заведующего Калужским губернским отделом юстиции за 1918 г. отмечалось, что в Калужской губернии к созданию судебных органов приступили в феврале 1918 г. „Местный народный суд к 1 мая был организован повсеместно применительно к числу участников бывших мировых судей“. В Боровском уезде система судебных учреждений была следующей...» (4). Далее – сведения о составе судебных учреждений уезда (см. конец 3-го абзаца справки). «Число участников бывших мировых судей» – исключительно на совести составителей книги. В справке, как можно убедиться, написано: «участков бывших мировых судей». Не будем больше утомлять читателей цитированием. Просто посчитаем: в очерке 20 абзацев, из них 10 полностью повторяют справку, 2 – частично, поскольку в этих двух абзацах содержатся ещё сведения о судьях, и только 8 абзацев написаны составителями. В «самостоятельных» абзацах содержатся сведения о личном составе Боровского районного суда за 1947–2003 гг. и о мировых судьях района. При этом наша справка даже не подвергается какой-либо существенной правке: нельзя ведь считать принципиальной замену слова «вероятно» на слово «предполагается» в том месте, где речь идёт о первоначальном составе судебных учреждений ликвидированного Боровского уезда.

Безусловно, очерк богаче фактическим материалом, чем справка. К тому же, книга хорошо иллюстрирована. Очерк о Боровском суде снабжён фотографиями коллектива суда, судей, зданий, в котором находился суд в 1938–1992 гг. и располагается в настоящее время. И тем не менее книга издана в нарушение закона Российской Федерации «Об авторском и смежных правах» в редакции Федерального закона №110-ФЗ от 19.07.1995. Справка, составленная сотрудником архива, является служебным произведением, авторское право на неё принадлежит её автору (статья 14.1). Использование служебного произведения без согласия автора возможно, «но с обязательным указанием имени автора» (статья 19). Составители книги не нашли возможным упомянуть, что в написании книги они пользовались материалами, выявленными и систематизированными сотрудниками ГАКО. Самое смешное, что надо это не сотрудникам архива, просто это общепринятые нормы элементарной вежливости, чтобы не сказать – научной этики. Ведь открытость архивов, возможность изучать интересующий тебя вопрос по первоисточникам не означает, что архивы не нуждаются в уважении. Непонимание важности архивов привело в настоящее время к тому, что ГАКО закрыт. И теперь нельзя ни самому писать книги, используя документы ГАКО, ни заказывать справки, чтобы потом их использовать.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Пыжикова Т. Солдат Солдатов отчитался перед вечностью // Знамя в семье. 2005. 28 июля.
2. Более подробно об этом см.: Зиновкина Н.В. Документы Государственного архива Калужской области в современной краеведческой литературе // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья: Материалы XI Всероссийской научной конференции 5–7 апреля 2005 г. Калуга, 2005. С.198.

3. Пыжикова Т. Указ. соч.

4. Судебная власть Калужской области: история и современность / Сост. В.А. Бордуков, Д.А. Краснов, В.И. Кузнецов, С.Е. Михеенков, С.С. Солдатов. Калуга, 2004. С.134.

Приложение

Управление по делам архивов Калужской области
Государственное учреждение
Государственный архив Калужской области
(ГАКО)

Боровский районный суд
Калужской области
ул. Советская, д.2
г. Боровск Калужской обл.
249010

ул. Кооперативный посёлок, 1
г. Калуга, 248000
тел. (0842) 56-22-30, 57-65-52
ОКПО 03493374, ИНН 4027018210
19.03.2003 №357-т
На № 9969 от 23.12.2002

Архивная справка
о наличии сведений

Сообщаем, что нами просмотрены документы фондов Калужского облисполкома, боровских уисполкома и райисполкома, Малоярославецкого уисполкома, Калужского окрисполкома, Отдела юстиции Калужского губисполкома, Калужского губернского совета народных судей, Калужского губернского суда, Калужского окружного суда. В документах Калужского областного суда сведений о деятельности народных судов области не обнаружено.

Выявлены некоторые сведения о формировании Боровского суда.

Старые судебные учреждения были упразднены Декретом о суде №1 от 23 ноября (6 декабря) 1917 г. В отчёте заведующего Калужским губернским отделом

юстиции за 1918 г. отмечалось, что в Калужской губернии к созданию судебных органов приступили в феврале 1918 г. «Местный народный суд к 1 мая был организован повсеместно применительно к числу участков бывших мировых судей». В Боровском уезде система судебных учреждений была следующей: Боровский совет местных народных судей (рассматривал кассационные жалобы) и 4 участка местных народных судов. 1-й участок обслуживал Ильинскую, Никольскую и Серединскую волости; 2-й – г. Боровск и Кривскую волость; 3-й – Роцинскую волость и 4-й – Балабановскую волость. Основание: Ф.Р-538. Оп.3. Д.8. Л.3, 4–4об., 13–13об.; Д.95; Ф.Р-123. Оп.1. Д.3. Л.1–6.

В 1924 г. Боровский уезд был ликвидирован и его территория передана Малоярославецкому уезду. Вероятно, первоначально (1924–1927 гг.) территорию бывшего Боровского уезда обслуживали 3 участка народного суда: 4-й судебный участок Малоярославецкого уезда – Боровскую волость, 5-й – Балабановскую, 6-й – Абрамовскую (следует иметь в виду, что вместе с ликвидацией уезда произошло и укрупнение волостей). Но уже к 22 октября 1927 г. 4-й участок был укрупнён за счёт присоединения к нему 6-го участка, и таким образом на территории бывшего Боровского уезда остались 4-й и 6-й судебные участки Малоярославецкого уезда. Основание: Ф.Р-374. Оп.1. Д.142. Л.120, 121об.; Ф.Р-84. Оп.3. Д.91. Л.1об., 11, 42, 48об.

В связи с районированием 1929 г. был образован Боровский район в составе Калужского округа Московской области. На территории округа был сформирован окружной суд и судебные участки, обслуживающие районы. Боровский район обслуживал 11-й судебный участок. Основание: Ф.Р-1128. Оп.2. Д.41. Л.20об.

В 1930 г. округа были ликвидированы и районы стали входить непосредственно в области: Боровский

район – в Московскую область. Окружные суды были упразднены, на местах было проведено сосредоточение всех участков народного суда в районном центре.

Основание: Кожевников М.В. История советского суда. М., 1948. С.246, 247.

Дата образования Боровского районного народного суда не установлена. В акте об ущербе, причинённом немецко-фашистскими захватчиками народному суду и нотариальной конторе Боровского района, от 13 августа 1943 г. значится: «В период оккупации Боровского района с 14 октября 1941 г. по 4 января 1942 г. здание, в котором помещался нарсуд, было занято немецкими войсками, и всё имущество нарсуда было разрушено и расхищено».

Основание: Ф.Р-2151. Оп.1. Д.116. Л.119.

5 июля 1944 г. Боровский район вошёл в состав вновь образованной Калужской области. Решением №1-14 от 8 января 1948 г. Калужский облисполком утвердил сеть народных судов области в количестве 42 судебных участков. В Боровском районе было сформировано 2 участка народных судов.

Основание: Ф.Р-883. Оп.16. Д.431. Л.20.

Решением Калужского облисполкома №28-1036 от 13 августа 1951 г. «О сокращении сети судебных участков народных судов Калужской области» в Боровском районе с 30 декабря 1951 г. был сокращён один участок народного суда. В районе, таким образом, остался 1 судебный участок.

Основание: Ф.Р-883. Оп.16. Д.910. Л.73.

Решением Калужского облисполкома №24 от 16 января 1965 г. в связи с изменениями в административно-территориальном делении была утверждена сеть народных судов. В Боровском районе утверждался Боровский районный народный суд и сохранялась Угодскозаводская постоянная сессия Боровского райнарсуда.

Основание: Ф.Р-883. Оп.17. Д.3119. Л.112, 113.

Решениями облисполкома №25 от 16 января 1965 г. и №1164 от 12 ноября 1965 г. был утверждён количественный состав народных заседателей и судей. В Боровский райнарсуд должно было избираться 140 народных заседателей и 2 народных судьи.

Основание: Ф.Р-883. Оп.17. Д.3119. Л.114–115; Д.3143. Л.274.

Решением облисполкома №14 от 11 января 1967 г. «О народных судах Калужской области» Угодскозаводская постоянная сессия Боровского райнарсуда была преобразована в Угодскозаводский районный народный суд. Основание: Ф.Р-883. Оп.20. Д.244. Л.115.

23 февраля 1967 г. решением №197 калужский облисполком увеличил штат народных судей в Боровском районном народном суде на 1 единицу. С этого времени в Боровский районный народный суд подлежали избранию 2 народных судьи, 140 народных заседателей. Основание: Ф.Р-883. Оп.20. Д.250. Л.114; Д.721. Л.206, 209.

Директор архива

Л.И. Сапожникова

Зиновкина

56 22 30

УКАЗАТЕЛЬ МАТЕРИАЛОВ, ПОМЕЩЁННЫХ
В СБОРНИКЕ «БОРОВСКИЙ КРАЕВЕД» ВЫП.1—7

МАТЕРИАЛЫ БОРОВСКИХ ЧТЕНИЙ. (АРХЕОЛОГИЯ, ИСТОРИЯ, КРАЕВЕДЕНИЕ). ВЫП.1. БОРОВСК, 1989

Фролов А.С. Предварительные итоги работ Калужской экспедиции в 1985–1988 гг.

Прошкин О.Л. Древности земли Боровской.

Осипов В.И. Опыт локализации слобод и границ г. Боровска в XVII в.

Кусов В.С. Памятники древнерусской картографии Боровского уезда XVII в.

Компанец С.Е. К истории старообрядчества в Боровском крае.

Антипов А.А. Пафнутьев-Боровский монастырь в истории Боровска.

Васильева З.В. История усадьбы Белкино.

Сорокина Л.Б. Архитектура усадьбы Белкино.

Можяев В.Ф. Боровчане в борьбе за власть Советов.

Нагаев И.М. Боровчане на защите Отечества (1918–1922 гг.).

БОРОВСКИЙ КРАЕВЕД. АРХЕОЛОГИЯ. ИСТОРИЯ. ЭТНОГРАФИЯ.
КРАЕВЕДЕНИЕ. МУЗЕЕВЕДЕНИЕ. ВЫП.2. БОРОВСК, 1990

Бубликов В.В. Археологические исследования в Боровском районе Калужской области в 1989 г.

Прошкин О.Л. Археологическая карта Малоарславского района Калужской области. (К вопросу о составлении археологической карты бассейна р. Протвы и смежных территорий).

Фролова Н.Ю. О месте захоронения князя Василия Ярославича Боровско-Серпуховского.

Пуцко В.Г. Боровские иконы XVI в.

Ларин А.К. Калужские иконописцы XVII в.

Поздняков С.В. Служилое землевладение и движение феодальной собственности в Малоярославецком уезде в первой половине XVII в. (По материалам писцовых книг).

Осипов В.И. Взаимоотношения посадского населения г. Боровска с Пафнутьевым монастырём в XVII в.

Сафонова Г.Б. Художественное шитьё XVII–XIX вв. из Пафнутьев-Боровского монастыря.

Личенко С.И. Развитие кустарных промыслов в Боровском уезде Калужской губернии.

Дёшин Н.Г. Первый краевед Боровского края. (Н.П. Глухарёв).

Головникова О.В. Культурное строительство в Боровском гарнизоне в начале 1920-х годов. (По материалам Московского военного округа).

Завитаев В.М. Подвиг Вани Андрианова.

Нагаев И.М. Архив и музей. (Из опыта сотрудничества ЦГАСА и Боровского филиала Калужского областного краеведческого музея).

Лысцева И.В. Музей в культурном наследии русского исторического города. (Калужская область).

**БОРОВСКИЙ КРАЕВЕД. МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ.
ВЫП.3. БОРОВСК, 1991**

Ершова О.П. К вопросу об историографии раскола (вторая половина XIX в.). В.С. Соловьёв о проблеме старообрядчества.

Берестецкая Т.В. Исследователь истории и культуры старообрядчества В.Г. Дружинин. Неизвестные страницы биографии.

Пулькин М.В. Эволюция идейно-религиозных представлений обитателей Выговского старообрядческого «общества» в XVIII в.

Фролов А.С. Археологическое изучение старообрядческого кладбища XVIII в. в калужском бору.

Волкова Т.Ф. Современные хранители древнерусской книжности на Средней и Нижней Печоре (по материалам археографических экспедиций Сыктывкарского университета 1977–1990).

Осипова А.И. Миссионерская деятельность церковного Братства Преподобного Пафнутия, Боровского Чудотворца, среди старообрядцев (последняя четверть XIX–начало XX вв.).

Публикации.

Осипов В.И. Письма В.И. Малышева к боровским краеведам Г.Н. и Н.Г. Дёшиным.

Малышев В.И. Народные предания о протопопе Аввакуме (боровские).

БОРОВСКИЙ КРАЕВЕД. ВЫП.4. БОРОВСК, 1992

Массалитина Г.А. Раскопки длинного кургана у с. Ермолино.

Прошкин О.Л. Археологический комплекс у д. Маламахово.

Прошкин О.Л. О некоторых случайных археологических находках в Боровском районе.

Тарасов В.А., Бызова Н.Л., Куликов Л.Ю., Сорокина Л.Б. Результаты раскопок селища Обнинск-2 в 1988 г.

Осипов В.И. Вкладчики Пафнутьев-Боровского монастыря в XVII в. (К истории родословной князей Репниных).

Осипов В.И. Судные дела Пафнутьев-Боровского монастыря в XVII в. (На материале Пошлинных книг).

Ячник Н.Е. События Отечественной войны 1812 г. на территории Боровского уезда. (По опубликованным материалам).

Хорчева О.Д. Декабрист Н.А. Панов и Боровский край.

Струкова Е.И. Материалы по истории Боровского уезда из фондов ГПИБ.

Узяков Р.А. Из истории Боровской районной комсомольской организации.

Завитаев В.М. Солдатские парады.

Ботнева И., Нагаев И.М. По следам 33-й Армии...

Лошкарёва Н.П. История Боровского края в газете «За коммунизм» за 1980–1990 гг. (Библиографический указатель).

Содержание трёх выпусков сборника «Боровский краевед».

БОРОВСКИЙ КРАЕВЕД. ВЫП.5. БОРОВСК, 1993

Прошкин О.Л. Древнерусские поселения бассейна р. Протвы.

Прошкин О.Л., Фролов А.С. О находке каменного боевого топора на городище у д. Маломахово.

Массалитина Г.А. Селище у с. Спас-Загорье.

Окороков А.В. Лодка-однодревка из р. Протва.

Компанец С.Е. Неизвестный памятник из Пафнутьев-Боровского монастыря.

Осипов В.И., Осипова А.И. Захоронения князей Волконских на территории Пафнутьев-Боровского монастыря.

Осипов В.И., Осипова А.И. Журнал «Церковь» как источник по истории боровского старообрядчества начала XX в.

Нагаев И.М., Нагаев М.И. Источники по истории Боровского края (архивы и библиотеки).

Бауэр А.А. Уездная периодическая печать Калужской губернии в 1917 г.

Узяков Р.А. Балабаново (краеведческие зарисовки).

Осипов В.И. Боровский музей в 1987–1991 гг.

Тарасов В.А. Обнинский археологический клуб «Аркас».

Баталкин В.А. Боровский поисковый отряд «Отечество».

БОРОВСКИЙ КРАЕВЕД. ВЫП.6. БОРОВСК, 1995

Осипов В.И. От составителя.

Материалы и сообщения

Нагаев И.М. Документы Российского государственного военного архива (РГВА) о боевых действиях на территории Боровского района в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

Добычина М.А. Фонды государственного архива Калужской области о г. Боровске и Боровском районе в 1942–1945 гг. Жизнь тыла.

Морева Т.А. Обзор документов о событиях Великой Отечественной войны на территории Боровского района, хранящихся в отделе архивных фондов общественно-политических движений и организаций (документы партизанского архива).

Колышкин М.М. Партизанская страница боровчан в летописи Великой Отечественной войны.

Узяков Р.А. Свидетельства очевидцев об оккупации посёлка Балабаново немецкими войсками и его освобождении в декабре 1941 г. (К 50-летию битвы под Москвой).

Завитаев В.М. Они повторили подвиг Ивана Сусанина.

Воспоминания.

Осипова А.И., Осипов В.И. Он любил вспоминать.

Васильев П.Г. Как бабушка Александра, тётушка Клавдия и тётушка Ольга с немцами воевали.

БОРОВСКИЙ КРАЕВЕД. ВЫП.7. БОРОВСК, 1997

Раздел I. Из истории музейного дела Боровского края

Лошкарёва Н.П. Из истории Боровского музея. 1919–1954 гг.

Осипов В.И. Боровский филиал Калужского областного краеведческого музея. 10 лет работы.

Жданова М.Ф. Из истории создания общественного музея Боевой славы Боровского района.

Антипов А.А. Из истории создания музея на общественных началах в с. Роца при Пафнутьев-Боровском монастыре.

Жилинская А.М. Из истории музеев Ермолинской школы.

Завитаев В.М. Организация ермолинских общественных и школьных музеев.

Грибачёва Я.И. Музей Боевой Славы Ворсинской средней школы.

Морзянова В.В. Ворсинский музей Трудовой славы.

Суханова О.Г. Музей местного края в Борисовской средней школе.

Раздел II. Археология Боровского края

Прошкин О.Л. Археология в изучении древнейшего прошлого Боровского края.

Массалитина Г.А. Лепная керамика селища Кривское-3.

Болдин И.В. Археологические раскопки в Пафнутьев-Боровском монастыре (1993–1994 гг.).

Раздел III. История, культура, современность

Пуцко В.Г. Византийская камея из Пафнутьев-Боровского монастыря.

Личенко С.И. Картина В.К. Демидова «Предсмерт-

ный подвиг князя М.К. Волконского в Пафнютьевом монастыре в Боровске в 1610 г.» и русская историческая живопись первой половины XIX в.

Осипов В.И., Осипова А.И. Боровск в XVII в.

Добычина М.А. Фонды Государственного архива Калужской области «Боровская приказная изба» и «Боровская воеводская канцелярия» как источник по изучению истории Боровского края XVIII в.

Монякова О.А. Ковровчане – участники Отечественной войны 1812 г. на территории Боровского уезда.

Зиновкина Н.В. Боровское уездное училище в 1812–1816 гг. (по фондам ГАКО).

Иванов В.А. Боровская и Малоярославецкая уездная администрация в середине XIX в.

Боченков В.В. История старообрядческих моленных д. Границево Боровского уезда.

Васильева З.В. Культурно-просветительные учреждения в с. Белкино (вторая половина XIX–начало XX вв.).

Паршикова А.А. Церковно-приходская школа с. Белкино.

Ефимова И.Л. Школа-колония «Бодрая жизнь» – общественно-политический центр работы с окрестными сёлами.

Фомин А.А. Хуторское расселение Малоярославецкого уезда.

Фёдорова Л.И., Ткаченко В.А. Село Ильинское на пороге нового времени.

Морева Т.А. Боровский уезд в 20-е годы XX в. Обзор документов Боровского уездного комитета РКП(б) и Боровского волостного комитета РКП(б).

Цветкова Е.В. Ордена и медали ветеранов Великой Отечественной войны в фондах Боровского филиала КОКМ.

Узяков Р.А. Генерал от артиллерии.

«Боровский краевед» (содержание выпусков 1–6).

**БОРОВСКИЙ
ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ –
ФИЛИАЛ ГОСУДАРСТВЕННОГО УЧРЕЖДЕНИЯ КУЛЬТУРЫ
«КАЛУЖСКИЙ ОБЛАСТНОЙ КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ»**

Боровский историко-краеведческий музей был открыт в 1987 г. как филиал Калужского областного краеведческого музея. Про музей можно много рассказывать. Например, о том, что он один из самых «богатых» филиалов КОКМ: более 10400 единиц хранения в фондах и 6500 книг в библиотеке. Или о том, что музей проводит большую и разнообразную работу:

— научно-исследовательскую: сотрудниками написано более 160 статей, проведено 17 конференций и семинаров;

— выставочную: 59 выставок

— издательскую: 7 выпусков «Боровского краеведа» (1988–1997), сборник «Монастыри в жизни России» (1997), альбом малого формата «Боровск на старых открытках» (1994), 2 издания пособия для учителей «Боровский край с древнейших времён до конца XVII в.» (1998 и 1999), 5 выпусков сборника «Боровск: страницы истории» (выходит с 1999 г.); с 2005 г. выходит сборник «Земля боровская».

Но лучше увидеть музей своими глазами.

**ПРИГЛАШАЕМ ПОСЕТИТЬ
НАШИ ВСТАВКИ И ПОБЫВАТЬ НА ЭКСКУРСИЯХ:**

- Старый Боровск;
- Пафнютьев-Боровский монастырь – историко-архитектурный памятник XVI–XIX вв.;
- «... в Боровеск ... на место мученное...» (по боровским местам страданий протопopa Аввакума, боярыни Ф.П. Морозовой, княгини Е.П. Урусовой);
- По пути гибели армии Наполеона (Боровск–Малоярославец);
- Путь к звёздам: К.Э. Циолковский на калужской земле (Боровск–Калуга).

Заказать экскурсии можно по телефонам:
(8-484-38) 4-32-36; 4-32-78; 8-910-518-05-97.

**Рождества Пресвятой Богородицы
Пафнютьев-Боровский монастырь. Фото А. Любченко**

Редакционная коллегия:

***В.И. Осипов
Н.В. Зиновкина
Н.С. Студёнов***

Контактные телефоны:
(8-48438) 4-32-36.
E-mail: victory1@kaluga.ru

**Выпуск 2
Боровск
2006**